

АРНЕ ДАЛЬ СВОБОДА

ВИРТУОЗНАЯ
ГОЛОВОЛОМКА.

SPIEGEL BESTSELLER,
GERMANY

Р 3481
МАСШ

18+

Арне Даль

Свобода

Серия «Детектив Сэм Бергер», книга 4
Серия «Триллер по-скандинавски»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68690499

Свобода: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-148876-5

Аннотация

Сэм Бергер в отчаянии. Его напарница Молли Блум бесследно исчезла. Поиски зашли в тупик. Но неожиданно к Сэму обращаются со странной просьбой... Была похищена женщина, и ее психотерапевт готов щедро заплатить Бергеру, если он поможет ее найти. Есть только одно условие – полиция не должна вмешиваться в расследование. Детектив берется за дело, рассчитывая, что быстро найдет пропавшую, но все оказывается гораздо сложнее...

Содержание

I	5
1	5
2	14
3	20
4	32
5	43
6	49
7	56
8	61
9	67
10	74
11	83
12	90
13	98
14	105
15	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Арне Даль Свобода

Arne Dahl
FRIHETEN

© Arne Dahl, 2020

© Костанда О, перевод, 2022

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2023

I

1

Сэм Бергер один. Ночь.

Кирпич, вобравший в себя летний жар, обжигает спину. Сэм выглядывает из-за угла. Неподалеку, за живой изгородью, виднеется соседский дом. Он расположен в стороне от других домов, на высоком холме за рощицей, и сейчас он кажется темнее ночи.

Самое светлое время года. Ночь длится не больше двух часов. Но ему нужна именно ночь. Темнота. Ведь правда кроется во тьме.

Бергер набрал побольше воздуха в легкие и бросился вперед. Присев на корточки, он пролез в высмотренную заранее дыру в изгороди и побежал вверх по холму. У самой рощи выхватил пистолет из кобуры.

Ночь выдалась на удивление тихая, все звуки, которые он слышал, исходили от него самого. Единственное, что чувствовалось в окружающей пустоте, – это ни с чем не сравнимый аромат летней ночи.

Он осторожно преодолел рощицу, осмотрелся в поисках камер слежения. Таковых не увидел. Не увидел вообще ничего. Весь мир накрыла ночь. Но фонарик доставать нельзя.

Пока нельзя.

Сэму удалось бесшумно добраться до дома. Невозможно было определить, какого здания цвета и из какого материала построено.

Сэм немного постоял, ощущая грудью холодок пистолета, а спиной тепло от стены. Отдышался.

Насколько это было возможно в такой ситуации.

Потом выглянул из-за угла. С трудом различил контуры лестницы, ведущей в подвал и упирающейся в дверь. Достал фонарик, максимально приглушил свет и направил его в сторону стены вниз, чтобы возможный наблюдатель по ту сторону тусклых окон ничего не заметил.

Бергер прокрался к лестнице, стараясь двигаться совершенно бесшумно. Тихо-тихо спустился вниз. Еще тише вставил отмычку в замок. Нащупав нужное положение, медленно опустил ручку. И, затаив дыхание, толкнул дверь.

Черное отверстие словно испустило серный вздох неизвестной преисподней. Потом пахнуло чем-то антисептическим, как в больнице. Бергер вошел внутрь, остановился, присел на корточки, держа наготове пистолет и фонарик.

Прошло немало времени, прежде чем он смог хоть что-то различить. Если бы кто-нибудь его тут ждал, он бы уже был мертв.

Это было похоже на мантру – удивление, что все еще жив.

Постепенно помещение обрело очертания. Оно занимало весь подвальный этаж. Комната для отдыха, переделанная в

лечебное учреждение. В углу кровать с каким-то респиратором, электрическое инвалидное кресло, медицинские ходунки с капельницей.

В остальном пусто. Темно и пусто.

В этой темноте скрыта правда.

Засунув пистолет в кобуру, Бергер настроил фонарик на более яркий режим и посветил вокруг. Его окутывала мгла. Свет едва доставал до пола. Словно останавливался на полпути, встретив препятствие, зависал в воздухе.

Бергер двигался медленно, как привидение.

Прошел мимо ходунков, пакет с раствором слегка колыхнулся. Инвалидное кресло. Вот и кровать, респиратор, будто застывший посередине вдоха. Создавалось ощущение, что весь черный воздух заражен, наводнен бактериями. Как в доме прокаженного в Средневековье.

Время шло. Бергер пытался определить, что тут не так.

Наконец догадался, что его смущает звук. Один из его крадущихся шагов, уже у самой кровати, прозвучал иначе. Бергер прошелся туда-сюда. Тот же феномен.

Он наклонился к полу. Действительно, по линолеуму тянулась тонкая полоска, щелочка, уходящая под кровать. Бергер осторожно сдвинул койку и увидел перед собой квадрат.

Здорово придумано. Щель в полу не больше миллиметра в ширину, а рядом лежит большой ковер. Вероятно, обычно его натягивали на люк.

Ведь это же люк?

А раз ковер с него отодвинут...

Значит, кто-то там, внизу.

Бергер безуспешно попытался подавить дрожь, охватившую все тело. Испытывая жуткое ощущение дежавю, он присел рядом с люком и начал шарить в поисках ручки.

Неужели опять подвал.

Ручка оказалась тщательно накрыта линолеумом. Бергер взялся за нее левой рукой, держа пистолет в правой, а фонарик во рту. Медленно поднял крышку. Увидел, что вдоль всей деревянной конструкции проложен звукоизоляционный материал. Направил луч на лестницу, от которой внизу тянулся узкий коридор. Никаких признаков жизни.

Из подвала под подвалом доносился гнилостный запах.

Бергер тяжело вздохнул, поднял глаза к потолку. Внезапно ощутил всю хрупкость жизни и яростное желание ее сохранить. Как драгоценную вещь, крепко зажатую в кулаке. Потом начал спускаться, держа в одной руке фонарик, а в другой пистолет.

До подземного коридора всего несколько ступеней. Каждый шаг Бергер делал с чрезвычайной осторожностью. И вот он внизу. Пол как будто земляной.

Теснота, низкий потолок. Почти то же чувство, что и в туннелях Кучи под Сайгоном, по которым он ползал в юношеском угаре. У него тогда случился приступ паники. Приятелям пришлось вытаскивать его оттуда. А ведь тогда они были всего лишь туристами.

Как и во Вьетнаме, коридор становился все уже и уже. Бергер преодолел всего несколько метров, а потолок и стены словно давили на него. Под конец даже на корточках передвигаться было трудно. Пришлось ползти.

Давно уже он не ощущал паники. И сейчас не ощущал, но он остро чувствовал ее присутствие, ее интимную близость. Пальцы продирались сквозь слой земли, колени все изодраны. Сколько бы он ни светил вперед, конца туннелю не было видно. Может быть, это просто воронка, и выхода из нее нет?

Бергер был вынужден остановиться. Он закрыл глаза. Сосредоточился. Главное – не впасть в то состояние, как тогда в Кучи. Теперь он взрослый мужчина.

С определенным опытом.

Он снова открыл глаза. Взял фонарик, который до этого отложил, и пополз дальше.

Теперь ползти приходилось по-пластунски. Казалось, вся спина ободрана до крови. Кислород, видимо, заканчивался, стало трудно дышать. Вокруг Бергера совсем не осталось свободного пространства, он занимал весь проход и в ширину, и в высоту. Вдруг он ощутил, что в этом узком лазу он не один, рядом с ним, плечом к плечу, ползла паника; оставалось только повернуть голову и вдохнуть ее.

В тот миг, когда его нутро уже открылось навстречу непрошенной гостье, что-то произошло. Вопреки ожиданиям, туннель вдруг расширился по всем направлениям, появилась возможность двигаться дальше, и Бергер ускорился.

Быстро проползая несколько метров, Сэм Бергер остановился, внезапно насторожившись. Все как будто специально. Отдышавшись, он посветил фонариком вперед. В конце коридора виднелась дверь. Дверь почти в высоту человеческого роста. Все инстинкты повелевали ему ринуться к ней. Все, кроме одного.

Инстинкта полицейского.

В каком бы состоянии ни был Бергер, этот инстинкт его никогда не подводил. И сейчас он подсказывал, что тут какая-то ловушка.

Бергер посветил вверх, вперед, вправо, влево. Потом вниз.

Вниз, на земляной пол.

Только пола там больше не было.

Вместо него – ров. Яма. Всего в пяти сантиметрах от левой руки. Проползи Бергер еще десяток сантиметров, он упал бы вниз.

Ров оказался около метра шириной и столько же глубиной. Удержаться было бы невозможно.

А там, внизу – расположенные параллельно друг другу пять острых лезвий, тянущихся от края до края.

Если бы Сэм Бергер подчинился своим природным инстинктам и ринулся к двери, ножи искромсали бы его на куски. Расчленили бы все тело.

Внутри у него поднимался пламенный гнев. Справившись с эмоциями, Бергер с большой осторожностью перелез на

другую сторону смертоносного рва.

Здесь можно было выпрямиться почти в полный рост. Держа фонарик в зубах, Бергер выудил из кармана отмычку, но тут заметил, что дверь открывается внутрь. Убрал отмычку.

Вероятно, никто не предполагал, что проникнувший в подвал продвинется так далеко, потому что сама дверь оказалась совсем хлипкой. Она не вылетела, а разлетелась на щепки, когда тлеющий в душе Бергера гнев вырвался наружу.

На гребном тренажере, спиной к Бергеру, сидел мужчина и усиленно работал руками. Наушники, по всей видимости, обеспечивали полную звукоизоляцию.

Бергер подошел, сорвал с него наушники и одной рукой выдернул мужчину с тренажера. Оказавшись с ним лицом к лицу, увидел в его глазах чистейшей формы страх.

– И как далеко ты готов зайти из-за какого-то сраного страхового мошенничества? – выкрикнул Бергер, глядя мужчине в глаза.

Он позволил себе ударить человека, который только что чуть не сделал из него кровавое рагу. Когда мужчина безжизненно повалился на тренажер, Сэма Бергера настигла паника. Дрожащей рукой он достал свои старенькие наручники и пристегнул мужчину к тренажеру.

Затем осмотрел помещение, служащее, по всей видимости, спортивным залом для человека, разыгрывающего пара-

лизованного инвалида. Другого выхода отсюда нет.

От приступа клаустрофобии у Бергера свело дыхание. Его снова накрыло, как тогда в Кучи. Нужен воздух, срочно.

Он кинулся к выломанной двери, ловко перепрыгнул через смертельно опасный ров, усилием воли, подогреваемой паникой, заставил себя преодолеть самые узкие участки туннеля, на одном дыхании подлетел к лестнице, взмыл вверх, в мнимую больничную палату, оттуда на лестницу, ведущую из подвала, и наконец сделал самый глубокий в своей жизни вдох.

В темноте вырисовывалась мягкая улыбка летней ночи. Бергер сел на камень, чувствуя, как ухмыляется ночь.

Все должно было быть иначе.

На короткое время у него образовалось две семьи, старая и новая, он мог получить все, что хотел. На какой-то миг он обрел почву под ногами и тихую гавань. Но уже полгода спустя он оказался в таком вакууме, какой ему и не снился.

Консультант по безопасности. Если проще – частный детектив.

Он думал о своих двух близнецах. *The still point of the turning world*¹. Сейчас им двенадцать. Они снова с ним. Они вернулись. Непреклонный голос его бывшей отзывался эхом в летней ночи: *Мне плевать, что у тебя теперь своя фирма, в душе ты все равно останешься копом и погубишь всех нас.* Переезд семьи из Стокгольма, опека, от которой он отказал-

---

¹ Точка опоры во вращающемся мире (англ.).

ся много лет назад. Редкие визиты, натянутое общение. Возможно, все наладится. Только он в этом сильно сомневался. Скоро они вступят в переходный возраст.

Эта чертова фирма высасывала все силы. Не говоря уже о средствах. Почему на то, чтобы открыть свое дело, нужно столько денег? А главное – никаких интересных дел, сплошное страховое мошенничество.

Бергер устремил взгляд на медленно светлеющий небесный свод. Долго сидел, глядя вверх. Потом вынул из кармана помятую фотокарточку.

На фото женщина, блондинка, с пронзительным, но печальным, почти извиняющимся взглядом. Снимок сделан в аэропорту, сквозь панорамные окна на заднем плане видно, как приближается самолет. Женщина, кажется, что-то говорит, смотря прямо в камеру.

Бергер так долго рассматривал фотографию, что она начала оживать. Женщина зашевелилась, самолет надвигался все быстрее. Она говорила голосом Молли Блум: *Я не могу, Сэм, правда не могу. Мне необходим покой. Возможность поразмыслить, прийти в себя.*

Дальше – молчание. Пугающая тишина.

Только звуки, издаваемые самим Сэмом. Пока соловей вдруг не огласил летнюю ночь своей божественной песней.

Значит, мир еще не лишен песен.

Витенька поправляет красный шелковый галстук, выравнивает пуговицы на манжетах и потягивается так, что шея громко хрустит. Мужчина, сидящий по другую сторону стола, все говорит и говорит, в своей обычной, слегка запыхавшейся манере, как будто к горлу ему приставили нож. Витенька ничего не слышит. Он уже давно перестал слушать.

Его взгляд скользит над проливом. На том берегу, кажется, можно различить открытые японские бани на скалах, хотя вряд ли их видно отсюда, даже с его зрением. Мимо проходит очередной круизный лайнер, на этот раз незнакомый.

Иногда ему хочется что-нибудь почувствовать.

Хоть что-нибудь.

– Все это прекрасно, Элднер, – произнес Витенька, поднимая руку. – Можно сразу резюме?

Элднер замолчал, на мгновение опустил взгляд, пытаясь сжать свои разглагольствования до одной фразы, потом произнес:

– С финансовой точки зрения разделение окажет маргинальный эффект.

Витенька медленно кивнул. Понятно. Как же хочется прогнать этого Элднера вон. Именно такие люди как он открыли Витеньке тайны этикета в том мире, где он тогда находился: стройные мужчины в идеально сидящих рубашках,

прибывшие с коротким визитом. И Витенька вполне преуспел.

И такие как Элднер ему нужны. Юристы, умеющие растягивать и нагибать мир, в котором он вращается сейчас. Делающие его таким как нужно.

Бесхребетные люди, на которых ему, в сущности, наплевать.

– Ну вот и ладно, – произнес он с жестом, повелевающим Элднеру встать.

И все-таки адвокат осмелился продолжить:

– Тут возникло еще одно обстоятельство.

Витенька знал, что Элднер никогда бы не завел подобный разговор, если бы он не касался дела исключительной важности. Поэтому следующий его жест заставил Элднера снова сесть. Адвокат откашлялся и заговорил:

– Мне кажется, у нас наметилась новая ниточка.

– Новая ниточка, – повторил Витенька безразличным тоном, глядя на пролив и исчезающее вдали круизное судно.

– Прошло уже несколько месяцев, – продолжил Элднер. – Борису не удалось добыть новой информации. Четырнадцать лет назад он уехал на Камчатку, но вовсе не поэтому.

– Знаю, – холодно произнес Витенька. – Он мне рассказывал лично. Хотя и... без подробностей...

– Четырнадцать лет одних лишь слухов, – сказал Элднер. – Исчезнувшие двадцать миллионов евро. Эти банкноты по-прежнему в ходу.

– Предыстория мне известна. Ближе к делу.

– Кажется, мы нашли новую взаимосвязь. Прямую связь со Степанкой.

Витенька вздрогнул. Хотя не должен был. Такие как Витенька никогда не вздрагивают. Совладав с собой, он переспросил:

– Прямую связь?

– Мы надеемся, – кивнул Элднер. – В таком случае слухи верны, деньги действительно спрятал ваш предшественник Степанка.

– А он, как известно, уже на том свете, – произнес Витенька уже совершенно спокойно.

Альвар Элднер порылся в своих бумагах, как будто не зная, что ответить.

– Говори, – приказал Витенька.

– Да, Степанка мертв. Но в связи с другими смертями четырнадцатилетней давности всплыла одна аномалия.

Редко увидишь пролив пустым. Ни одно судно не рассекает гладкую поверхность. Витенька смотрит с высоты на воду. Вот так, наверное, все и выглядело в эпоху заселения Исландии, когда сильные и независимые викинги прибыли на пустынный остров и забрали себе земли.

Как после падения стены. Нас уже ничто не могло сдерживать. Мы жаждали свободы, настоящей, безграничной. Мы не признавали ограничений. Ни политики, ни полиция не могли нас остановить. Мы – современные викинги.

Эпоха заселения.

– Аномалия? – переспросил наконец Витенька.

Элднер кивнул и продолжил:

– Три человека из личной охраны Степанки пропали четырнадцать лет назад, примерно в то же время, когда исчезли деньги. Вполне разумно предположить, что эти события взаимосвязаны. Четвертый сидит... там. Его зовут Адриан Фокин.

– Ну что же, – подытожил Витенька. – Полагаю, Элднер, ты будешь рад немедленно двинуться в путь?

Витенька в упор смотрел на Элднера, пока тот не вышел, поникший. Ничего, кроме презрения, к этим алчным людшкам он не испытывал. Они лишь взбивают пену, не погружаясь вглубь. Вероятно, для того чтобы примириться с собой, убедить себя, что они часть светлого мира, они просто выполняют свою работу и платят налоги, а потому могут спокойно наслаждаться всеми прелестями жизни привилегированного класса.

Витенька встал и снова посмотрел на пролив. Яркий августовский свет лился отовсюду, через все панорамные окна изящной одноэтажной виллы. Свет падал прямо на Витеньку, когда он подошел к книжному стеллажу. Всякий раз, вдавливая корешки книг в нужной последовательности, он с трудом сдерживал смех. Его собственная заезженная сатира на внешний блеск высшего общества.

Стеллаж грациозно отодвинулся в сторону, обнажив

стальную дверь. Витенька заглянул в считыватель радужной оболочки и ввел длинный код. Двери лифта открылись.

Он вошел и поехал вниз, далеко вниз. В этом лифте у него всегда закладывает уши.

Лифт в преисподнюю.

Чему-то его фальшивый стеллаж с книгами все-таки научил.

Двери лифта открылись. Двое вооруженных до зубов охранников кивнули Витеньке из полумрака. Витенька достал небольшой пульт. Следующая огромная металлическая дверь бесшумно заскользила вверх.

Обнаженного мужчину, подвешенного в дальнем углу, было еле видно. Голые ноги едва касались пола, руки привязаны к приделанным к потолку кольцам. Глаза большие и круглые, как мячик, всунутый ему в рот.

Витенька выдвинул стул и сел за стол напротив мужчины. – Ты знаешь, о чем идет речь, Адриан, – произнес он. – Четырнадцать лет назад пропал большой транш, двадцать миллионов евро. Я не успокоюсь, пока не узнаю, куда он подевался.

Мужчина смотрел на него в упор. По лбу струился пот. Попытался хоть немного пошевелиться. Но это оказалось почти невозможно.

Витенька стянул с себя кроваво-красный галстук, аккуратно свернул его пополам и растянул на столе. Потом выдвинул ящик и достал оттуда большой меч с широким лез-

вием. Прямо как у викингов.

Положил меч рядом с галстуком. Длина в точности одинаковая.

– Я дам тебе привилегию, Адриан, – сказал Витенька. – Хочешь знать какую?

Мужчина долго пялился на него обезумевшим взглядом. Наконец кивнул. В его глазах мелькнул проблеск надежды.

Витенька улыбнулся и продолжал:

– Ты сможешь сам выбрать, в какой последовательности лишиться частей тела, Адриан. Видишь, какой я добрый?

Когда Витенька встал и схватил меч, пульс его не участился ни на один удар в минуту.

Ее навигатор никак не мог найти заданный адрес, а ездить туда-сюда по району частной застройки на служебной машине ей не хотелось.

Обычно в таких кварталах бдительные соседи.

В конце концов она решила просто остановиться, отыскав какое-нибудь уединенное парковочное место, чтобы не привлекать внимание. Пока она парковалась, сгустились августовские сумерки, погружая выключенные синие огни в умиротворяющий полумрак. Не говоря уже о бросающемся в глаза слове «Полиция» спереди и по бокам.

Ей пришлось выбирать между вариантами съездить на электричке домой за личным автомобилем или воспользоваться служебной машиной. Она бы потеряла не больше часа. И вообще-то у нее дома ребенок.

Навигатор в мобильном телефоне ожидаемо оказался лучше того, что работал в полицейской машине. Он привел ее в лес. Пройдя в надвигающейся темноте довольно большое расстояние, она очутилась на поляне. Поляна плавно перешла в аккуратно подстриженный газон. Тонкие пластиковые трубки, торчащие из земли на одинаковом расстоянии, указывали на то, что здесь собирались проложить извилистую дорожку.

Сколько бы комиссар криминального отдела Дезире Ру-

сенквист ни пылилась в свой мобильный телефон, уверенности в том, что она попала куда надо, не прибавлялось. То, что виднелось в рощице на берегу, больше напоминало место стройки.

Ей еще не доводилось бывать в эллинге.

Это место ее предыдущего начальника, Сэма Бергера. И до, и после его бесславного выхода из рядов полиции этот укромный уголок был центральным пунктом его самых потаенных воспоминаний. Можно сказать, его душой.

Если, конечно, это *здесь*.

Строение, к которому она шагала по недавно подстриженному газону, с натяжкой можно было назвать эллингом. Эллинги строят для защиты спущенных на воду лодок от ветра, с въездом с торца. А здесь никакого входа с моря, да и самого судна нет, лишь длинная терраса на сваях, тянущаяся вдоль воды наподобие мостков. Почти все здание накрыто строительной пленкой, пропускающей внутрь приглушенный загадочный свет.

Дезире подошла ближе. Совсем стемнело. Отчетливо чувствовался морской воздух. И все же настоящим эллингом это строение не было.

Небольшое крыльцо выглядело совсем новым. Под защитной пленкой виднелась металлическая табличка с выгравированным текстом. Ощукая себя в первую очередь комиссаром полиции, Дезире Русенквист наклонилась к самой табличке, пытаясь разобрать написанное. Кажется, АО «Эллинг

Секьюрити»? Поборов желание сорвать пленку, Дезире постучала в дверь.

Никто не открыл. Внутри никаких признаков жизни, никакого ответа. Она постучала еще раз. Свет мигал. Никакого движения. Дезире постучала сильнее, на этот раз кулаком. Дверь открылась.

Строительная пыль. Это запах нового жилья. Свежая древесина. И больше ничего. Кроме пылинок, напоминающих маленьких светлячков, роящихся в воздухе. Наверное, просто пыль.

Прямо – маленькая кухонька, точнее, кухонный уголок. Дезире сделала несколько шагов вправо и очутилась в большой комнате. Перед ней – две двери в правом углу, наискосок от входа. Новехонький диван, плотно замотанный в полиэтилен, такое же кресло, журнальный столик. Белая доска для маркеров, вся исписанная. Окна выходят на воду. Дезире завернула за угол, влево, и перед ней за стеклянной раздвижной дверью раскинулся залив. Казалось, отсюда он виден весь, целиком.

Но по-прежнему ни души.

Дезире сделала пару осторожных шагов к двери. На встречу захватывающему виду. И вдруг услышала звук с левой стороны. Откуда-то из стены. Там что-то шевелилось. Тихий шорох, как при волочении, затем приглушенный звон.

Она застыла на месте.

А когда отмерла, заметила дверь без ручки – просто часть

стены, обрамленную узкой полоской. Дезире инстинктивно расстегнула кобуру и просунула ногти в щель. Подцепив дверь пальцами левой руки, правой рукой она нащупала служебный пистолет. Распахнула дверь.

Маленький туалет, не больше двух квадратных метров, еще не до конца обустроенный. И, каким бы невероятным это ни казалось, глубоко в унитазе плескалась голова человека.

Дезире бросилась к толчку, схватила человека за волосы и рванула вверх. Нехотя, но голова подчинилась. С нее стекала вода. Человек откашлялся.

Тело медленно опустилось рядом с унитазом. Не успела она поймать взгляд человека, как он глухо произнес:

– Душа тут нет.

Уставившись на мокрый, взъерошенный затылок, Дезире инстинктивно выпалила:

– Зато тут, черт побери, целый залив, мало?

В тот миг, когда комиссар Дезире Русенквист встретила взглядом с сидевшим на полу мужчиной, она превратилась в Ди. Такое развитие событий не было очевидным. Прошло полгода с тех пор, как они расстались, причем при весьма драматичных обстоятельствах. За это время никто из них не пытался выйти на связь. И все же она догадывалась, что превращение в Ди неизбежно.

Боялась? Нет, предчувствовала. Возможно, даже надеялась.

Сэму Бергеру всегда удавалось каким-то загадочным образом превращать ее в более неформальный персонаж по прозвищу Ди.

– Все не так ужасно, как выглядит, – произнес он, пытаясь приподняться. Рука скользнула по мокрому полу, и Сэм с размаху стукнулся зубами о фарфоровый ободок унитаза.

* * *

Была середина августа, полное безветрие. Над землей окончательно сгустились сумерки. Сэм и Ди сидели на выступающем над водой пирсе. Между ними – столик, а на нем два низких стакана.

Бергер держал на лице окровавленное полотенце, изредка убирая его, чтобы пригубить «Лафройг» или бросить короткую реплику.

Похоже, оба не знали, как начать. Взгляды скользили над неподвижной, черной как деготь водой. По другую сторону залива осветился золотисто-желтый фасад миниатюрного замка. Оттуда тянулось ожерелье огоньков, извилистая блестящая дорожка, отражающаяся в зеркальной глади ночного моря. Наконец Ди прервала молчание:

– Все действительно лучше, чем кажется на первый взгляд?

Бергер пожал плечами.

– По крайней мере, у меня есть работа, – произнес он,

скривившись после очередного глотка виски.

– Я видела записи на доске, – кивнула Ди. – Расследуешь случаи страхового мошенничества?

– Не только.

– Правда?

– Правда.

– А что еще?

– Работаю частным детективом, – ответил Бергер.

Сколько бы Ди ни сверлила его взглядом, больше реплик не последовало. Она вздохнула, отвернувшись, подбирая слова, которые смогли бы заполнить пустоту длиной в восемь месяцев. Получилось так:

– Я вообще не знала, где ты и что с тобой, пока не увидела твою фамилию в судебном постановлении в начале лета.

Бергер поморщился и приложил полотенце ко рту.

Не дождавшись ответа, Ди продолжала:

– Речь шла о нападении, совершенном на вилле в Спонге. Ты там какого-то инвалида избил.

– Эмиль Сунд не инвалид, – рассмеялся Бергер. – В этом-то все и дело.

– Да, я читала, что тебя оправдали.

– А он теперь сидит в тюрьме. Случаи страхового мошенничества бывают очень серьезными, Ди.

– Только он ведь не поэтому сидит?

– Да, скорее из-за того, что пытался меня расчленить, – ответил Бергер.

Ди вздрогнула.

– Как ты вообще, Сэм? – спросила она.

– А ты? – парировал он.

Ди слегка улыбнулась. Ответила она не сразу:

– С каждым днем все лучше.

Бергер в первый раз посмотрел на нее серьезным взглядом.

– А было так плохо? – спросил он.

– На самом деле нет. Семья в полном порядке, Йонни работает, Люкке уже неплохо играет в футбол. Если не столкнется с обычными в этом деле трудностями, может *действительно* многого достичь.

– А ты сама?

– Лучше, – сказала Ди. – Все лучше и лучше.

Бергер внимательно посмотрел на нее, не торопя, отпил еще виски.

– Я убила человека, – произнесла наконец Ди. – Меня мучили кошмары, бессонница, панические атаки.

Бергер медленно покачал головой.

– Я и понятия не имел, – признался он.

– Мне помогли, – сказала Ди и пригубила виски.

Бергер тоже выпил, помолчал.

– Поэтому я повторяю вопрос, – продолжала Ди. – Как ты?

Бергер отвернулся, посмотрел на воду. Ничего не увидел. Ничего не ответил.

Молчанию надо было дать улечься. Сэм отпил виски.

Взглянул на полотенце – кровь все еще шла. Но поскольку ему порядком надоело так сидеть, он его отложил, сделал еще глоток. Подержал во рту.

Он продолжал молчать.

Наконец Ди не выдержала:

– Ты сидел, опустив голову в унитаз, Сэм. И я видела это.

– Конечно, раз уж ты вошла...

– Я не про то, – перебила его Ди. – Я видела то, что в нижнем углу.

Их взгляды встретились. Ди уловила в его глазах что-то незнакомое. Вакуум? Дремлющую стихию? Бесконечную тоску? Она не знала.

– Я имею в виду нижний правый угол доски, – пояснила она. – Это и есть твоя работа частным детективом?

– Никого, кроме меня, она не касается, – пробормотал Бергер.

– Она касается твоих друзей. В том числе тех, кого ты восемь месяцев подряд игнорировал.

– Нет. Это мое личное дело.

– Близнецы и Молли?

Бергер грустно рассмеялся. Из раны во рту брызнула кровь.

– Достаточно, чтобы потопить бегемота, правда?

Он залпом опустошил стакан и налил себе еще.

– Бегемота, который отказывался купаться, – добавила Ди.

Они чокнулись. Выпили.

– Ты же не можешь управлять патрульной машиной в нетрезвом состоянии, – сказал Бергер.

– Если я чем-то и *могу* управлять в нетрезвом виде, так это патрульной машиной, – ответила Ди, делая еще один глоток.

Бергер тихо засмеялся, Ди поймала его взгляд.

– И все-таки мне приятно, что ты за меня волнуешься, – сказала она.

Бергер перестал смеяться – все равно это звучало не как смех.

– Ты прекрасно знаешь, что волнуюсь, – произнес он, тяжело вздохнув. – Ты единственная во всем мире, кому я доверяю на сто процентов.

– Но здесь ты в каком-то дерьме. Что ты вообще творишь, Сэм?

– Никого не осталось. Понимаешь, Ди? *Никого*.

Вновь воцарилось молчание. На этот раз повисло надолго. Ди внимательно посмотрела на Бергера. Наклонилась к нему. Взяла его за руку.

– Объясни, что ты имеешь в виду, Сэм. Я не понимаю.

Он опустил голову на грудь. Как-будто сжался весь, словно из него выкачали все жизненные силы. И Ди поняла. Понимание было предельно ясным.

– Твои близнецы. Маркус и Оскар жили у тебя.

– Одиннадцать дней...

– И что случилось?

– Фрейя нашла работу далеко отсюда. Решила выбрать жесткую тактику. Я еще много лет назад отказался от опеки. Если повезет, я смогу видетсья с ними на выходных два раза в месяц.

– А ты хочешь, чтобы было иначе, Сэм?

Бергер выкинул вперед руку, как будто демонстрируя все недостатки своего нынешнего мира.

– Возможно, потом. Надо сначала с этим всем разобраться.

– Ты имеешь в виду, с АО «Эллинг Секьюрити»?

– Скорее с жизнью...

– Значит, все дело в Молли, – заключила Ди, сверля его взглядом.

– Что? – воскликнул Бергер.

– Значит, твоя работа «частным детективом» связана с Молли.

Бергер медленно покачал головой.

– Нет, Ди. Это я обсуждать не готов. Прости.

– Восемь месяцев назад Молли Блум ждала ребенка, предположительно от тебя. Что произошло?

– Ты слышала, что я сказал? Я это не обсуждаю.

– Тебе нужна помощь, – произнесла Ди, не сводя взгляда с Бергера. – Как она понадобилась и мне.

Снова молчание. Легкий шелест осин. Как будто из другого времени.

Поморщившись, Бергер сказал:

– Тут было все. Близнецы. Молли, еще не рожденный ребенок. На короткое мгновение у меня было все. Как в мимолетном сне. А потом настало пробуждение.

Ди кивнула.

– И теперь не осталось ничего, – произнесла она.

– Ну почему, – возразил Бергер. – У меня остались мои страховые мошенники.

– Можно спросить: ты вообще *понимаешь*, что тебе нужна помощь?

Он повернулся к Ди, посмотрел на нее чистым ясным взглядом.

– Я плохо понимаю абстракции, – произнес он. – О какой помощи ты говоришь?

– Это не абстракция, – ответила Ди, протягивая ему визитку. – Самая что ни на есть конкретика. Зовут ее Рита Олен. Она помогла мне выкарабкаться. Думаю, тебе она тоже подойдет, Сэм. Она не из тех, что сопلي размазывает. Позвони ей, прощупай почву, тебя никто ни к чему не обязывает. Но так продолжаться не может.

Бергер взял карточку, прочел текст, положил на стол перед собой и кивнул.

– Не обещаю, – сказал он.

Из-за облака выглянула луна, осветив небольшой залив. От набежавшего бриза по воде пошла рябь. Добравшись до мостков, ветерок подхватил со стола визитную карточку.

Бергер поймал ее на лету.

– Красиво, – не задумываясь, похвалила Ди.

– Похоже, пришла осень, – сказал Бергер, пряча визитку в карман.

Их взгляды встретились. Теперь ее очередь подливать виски.

– Ладно, – произнесла Ди, поднимая стакан. – Возможно, все не так плохо, как кажется. Но все-таки поговори с Ритой. Не пожалеешь.

– Ты уверена, что тебе нужно еще выпить? – спросил Бергер.

Он выглянул в окно. В утреннем свете перед ним протянулась улочка Плуггатан. Плуггатан, район Сёдермальм, Стокгольм, Швеция. Он чувствовал себя провинциалом в большом городе.

А еще это визит в прошлое. В то место, что когда-то было его жизнью.

Квартира ощущалась на удивление чужой, как будто он попал сюда впервые. И никто из тех, кого он знает, здесь никогда не жил.

Он словно проснулся после долгого сна.

Бергер бродил по неубранной квартире. Оставляя ее, он бежал не оглядываясь. Теперь он смотрел на свою прежнюю жизнь со стороны, наблюдал за ней любознательным, но объективным взглядом антрополога.

А смотреть, собственно, не на что. Совсем не на что.

Все лето, пока шел вялотекущий ремонт, он ночевал в спальном мешке в эллинге. Чаще всего прямо на мостках. Где ему спать этой ночью – и вообще в дальнейшем, – вероятно, должно было решиться сегодня.

В день, о котором он ровным счетом ничего не знал.

Стоя у кухонного стола, он разбирал почту. Корреспонденции приходило все меньше. Сортировать было особенно нечего. Он просто перекладывал конверты с окошечками из

большой общей кучи в кучу с рекламой. В самом этом движении сквозила какая-то безысходность.

А вот, наконец, и настоящее письмо. Из Шведской службы регистрации предприятий. АО «Эллинг Секьюрити» зарегистрировано.

Бергер просмотрел формальное, составленное роботом письмо, попытался понять, что он чувствует. Это оказалось непросто. Возможно потому, что он вовсе ничего не чувствовал.

И все же был способ вызвать у себя какие-то чувства, настоящие чувства – войти в комнату мальчиков. Он подошел к двухъярусной кровати, поправил покрывала. Позволил себе проникнуться. Проглотить тоску, в которой уже не было той скорби, что раньше.

По крайней мере, они снова присутствуют в его жизни.

Сэм Бергер отправился на долгую прогулку по утреннему Стокгольму. Возможно, она спасет его от темноты.

В воздухе отчетливо пахло осенью, хотя определить, в чем именно это заключается, было трудно. Ни ветерка, словно затишье перед бурей. Первый морозец сопровождал Бергера всю дорогу: на север от Сёдермальма, через весь Старый город, в самое сердце Сити, и вот он стоит перед дверью на маленькой улочке в безымянной части города. Или, возможно, это те самые места, что называют Норрмальмом? Как бы то ни было, Бергер позвонил в звонок, расположенный рядом с металлической табличкой, скромно указывающей на

то, что здесь находится АО «Психотерапевтический центр Норрмальма». Дверь щелкнула, и Сэм вошел. Поднялся по лестнице, неприятно удивленный свистом из легких, подождал, пока дыхание восстановится, позвонил в дверь. Снова щелчок.

Бергер оказался у стойки регистратуры, рядом – совершенно пустая, светлая и чистая комната ожидания. Сэм показал удостоверение личности, ему назвали номер кабинета, и он отправился искать его по удивительно длинным коридорам, свидетельствующим о немалой потребности столичных жителей в психотерапии.

Постучав в нужную дверь, Бергер услышал мягкий женский голос:

– Заходите.

Он вошел, сканировал взглядом женщину, сидящую на диване и заполняющую толстый журнал. На вид лет пятьдесят, светлые волосы коротко острижены, очки сдвинуты на лоб, джинсовый, но при этом строгий образ. Однако больше всего Сэма поразила ее взгляд, дружелюбный, но вместе с тем всепроникающий.

Женщина встала, подошла к Бергеру, они поздоровались за руку.

– Меня зовут Рита Олен, – представилась она.

– Сэм Бергер. Спасибо, что нашли для меня время.

– По разговору мне показалось, что со встречей лучше не тянуть, – сказала Рита Олен. Она села, жестом приглашая

Бергера занять кресло по другую сторону маленького стеклянного столика. Сэм устроился в кресле, успев заметить целую упаковку бумажных носовых платков посередине стола.

– Итак, я работаю психологом и психотерапевтом в психотерапевтическом центре Нормальма, – сказала Олен. – У меня богатый опыт работы как с жертвами преступлений, прежде всего совершенных на сексуальной почве, так и с полицейскими, испытывающими профессиональное выгорание. Если я правильно понимаю, вы относитесь ко второй категории. Где именно вы работаете?

– В сфере безопасности, – ответил Бергер.

Рита долго не отпускала его взгляд. Казалось, она ждет продолжения. Но он больше ничего не сказал. Она кивнула и записала что-то в блокнот.

– Хорошо, – произнесла она с ободряющей улыбкой. – Сразу хочу подчеркнуть, что я использую несколько нестандартные методы. Например, я прошу своих клиентов писать мне тексты, при этом их снимает камера, а потом они смотрят видеозаписи самих себя, когда мне отвечают. Как, для вас это звучит нестандартно?

– Я понятия не имею, что является стандартным, – ответил Бергер, пожав плечами.

Рита Олен улыбнулась:

– Я расцениваю это как утвердительный ответ. Что привело вас сюда, Сэм?

Бергер почувствовал, что тоже улыбается. Это получилось

само собой. Как, интересно, выглядит такая улыбка со стороны?

– Что ж, – сказал он. – Если бы я знал, с чего начать...

– Сформулируйте одним словом, не задумываясь. Всего одно слово.

– Потеря, – произнес Бергер неожиданно для себя.

Рита Олен кивнула, задумалась. А потом сказала:

– Неважно, с чего вы начнете, Сэм. Мы в любом случае доберемся до сути.

И он начал рассказывать. Не просто начал, а открыл все заслонки внутри, и теперь уже говорил не он, а то, что сидело в нем и рвалось наружу.

Время от времени Олен одобрительно кивала или подбадривала Бергера заинтересованным взглядом, иногда вставляла наводящее слово или делала заметки в блокноте. Пару раз глаза ее блеснули, словно ей удалось сдвинуть крышку бездонного колодца. Время летело вскачь. Казалось неизмеримым. Бергер ощутил его, только когда Рита Олен с вопросительной интонацией повторила:

– *The still point of the turning world?*²

Бергер кивнул, достал из коробки бумажный платок, ска-
тал из него крошечный шарик.

– Я всегда так думал об Оскаре и Маркусе, – сказал он. – Когда действительность засасывала меня в свой круговорот, я доставал их фотографию, и головокружение отпускало.

---

² Точка опоры во вращающемся мире (англ.).

– А теперь этот прием не работает?

– Они превратились в мираж. Они были со мной, все наладилось. Они провели у меня несколько дней, а потом снова исчезли.

– Но вы же с ними встречаетесь раз в две недели? – спросила Рита Олен.

– В чужом городе, – ответил Бергер.

– Они ведь могут приезжать в Стокгольм?

– Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Может быть, вам удобнее, чтобы они оставались миражами?

Она произнесла это спокойно и обыденно, до него не сразу дошло, что она сказала. Он замер, словно превратился в ледышку.

– С чего бы это?

– Люди легко находят стабильность в несчастье. Вживаются в свои страдания. Находят утешение в несправедливости. Иначе надо действовать. Реагировать самому вместо того, чтобы проклинать весь мир. Вам пришлось бы активно участвовать в воспитании близнецов. Куда проще держать их на расстоянии, ведь это не только позволяет, но и предписывает жалеть себя.

Бергер молчал. Смотрел на свои руки. Пассивные руки. Сжимающие шарик из бумажного платка.

– Но ситуация с сыновьями сейчас не более острая, чем недели и месяцы назад, – сказала Олен. – Почему срочность

возникла именно вчера?

– А кто сказал, что возникла срочность?

– Во-первых, когда вы звонили сегодня утром, вы хотели записаться на ближайшее время. А во-вторых, эта подробность с унитазом, которая подтверждается вашей разбитой губой. Вы пытались утопиться?

– Не надо было мне об этом рассказывать, – пробурчал Бергер.

– Очень хорошо, что вы это сделали, – возразила Олен. – Так почему именно вчера?

– Там нет душа...

– Не стоит твердить отговорки. Почему вчера? В потере близнецов временной фактор напрямую не задействован. А значит, речь идет о *другой* вашей потере. О той, которой вы не решаетесь коснуться.

Бергер молчал. Молчал как рыба.

– Тут-то временной фактор присутствует, правда? – добавила Рита Олен чуть более резко. – О Молли Блум вы пока сказали совсем немного. Похоже, настало время затронуть эту тему, Сэм.

Он продолжал молчать.

– Понимаю, – произнесла Олен и кивнула. – Можно, я попробую?

Тишина.

– Беременность всегда означает, что в голове включается определенный секундомер, – продолжала Рита Олен. – Вы

согласны? Что произошло, когда исчезла Молли, Сэм?

– Я не могу...

– Вы здесь, чтобы смочь.

– Вряд ли.

– И все-таки я продолжу, – твердо сказала Олен. – Вы пытались выяснить, куда она подевалась, так? Вы уверены, что не знаете, где она?

– Думаю, на сегодня достаточно, – пробормотал Бергер.

– Я сама решу, когда достаточно, Сэм. Сейчас мы вышли на очень важный след. Вы сделали все, чтобы найти ее, инвестировали все свои профессиональные знания в то, чтобы разыскать Молли Блум. Конечно, параллельно приходилось зарабатывать на жизнь безрадостными случаями страхового мошенничества, один из которых вызвал у вас непосредственный страх смерти...

– А вам когда-нибудь грозило расчленение заживо? – перепрыгнул ее Бергер с пассивной агрессией.

Проигнорировав это уточнение, Рита Олен продолжала:

– Но вашей главной задачей было найти Молли Блум, свою бывшую девушку, которая сейчас вынашивает, предположительно, вашего ребенка. Однако *у вас не получилось*. Вы ни на шаг к ней не приблизились. Как такое может быть, Сэм? Как я поняла из вашего рассказа, за последний год вам довелось раскрыть целый ряд невероятно запутанных преступлений – а собственную возлюбленную вы найти не можете. Как же так?

– У нее опыт работы внедренным агентом СЭПО, – сказал Бергер. – Уж она-то знает, как можно испариться.

– Значит, она исчезла добровольно?

– По крайней мере, вначале, – подтвердил Бергер. – И я действительно пытался ее найти.

– И вы не знаете, сохранялась ли все эти месяцы ее беременность?

– Жестокий вопрос, Рита. Нет, я не знаю.

– Однако вам известно, что «вначале» она исчезла добровольно. Откуда вы это знаете? Вы с ней общались?

– Нет, такого шанса у меня не было. Знаете, я не выдержу. Может, в следующий раз. Чудеса случаются только в сказках, Молли никогда не вернется.

– Вы не разговаривали, но она вас проинформировала. Хотя, вроде бы, она не тот человек, кто разрывает отношения эсэмэской? Она прислала видео? Прощальную видеозапись? Да...

Рита Олен вписала еще несколько слов в свой любимый блокнот, сдвинула очки на лоб и направила на Бергера указательный палец.

– Это видео у вас с собой? В мобильном телефоне?

– Я его восемь месяцев не пересматривал, – сказал Бергер. – И сейчас делать этого не собираюсь. Все слишком быстро.

– Но вы можете хотя бы о нем рассказать?

Молчание. Потом неохотное «да».

– Она стоит у панорамного окна в аэропорту, – медленно начал Бергер. – Мне удалось идентифицировать самолет у нее за спиной. Это аэропорт Брюсселя. Я установил точное время. Если она улетела оттуда, то точно не по своему паспорту. Значит, возможны два варианта. Первый – она вовсе не улетела. Второй – она улетела, но с фальшивыми документами. Поскольку никаких финансовых следов мне найти не удалось, скорее всего, она воспользовалась фальшивой кредиткой. Ну, или просто наличными.

– И что говорит Молли на видео?

Бергер закрыл глаза, с силой надавил пальцами на веки.

– Немного.

Рита Олен с улыбкой подалась вперед.

– Понимаю, – сказала она.

– Что вы понимаете?

– Что вы помните запись наизусть. Что она сказала?

Бергер тяжело вздохнул, тоже наклонился вперед, нависая над столом. Оказавшись лицом к лицу с Ритой Олен, он медленно процитировал, глядя ей в глаза:

– «Я знаю, что ты планировал наше будущее, Сэм. Знаю, что ты хотел, чтобы мы работали консультантами по безопасности в этом эллинге, который для меня не более чем отрывок прошлого. Я не могу, Сэм, просто не могу. Мне необходим покой. Возможность поразмыслить, прийти в себя. А потом посмотрим, сможем ли мы встретиться снова, все вместе. Постарайся успокоиться. Тебе тоже нужно остыть,

помни об этом».

– Все вместе, – повторила Рита Олен.

Бергер фыркнул.

– Думаю, только это «все вместе» и удержало меня от того, чтобы окончательно спиться, – сказал он.

Олен снова откинулась на спинку дивана, что-то записала.

– И как вы это трактуете? – спросила она.

– Так же, как и вы, – ответил Бергер. – Конечно, «все вместе» может означать «ты, я и Дезире Русенквист», это наша старая команда, но скорее всего это, черт возьми, означает «ты, я и наш ребенок». Мне очень хочется в это верить.

Рита Олен кивнула. Слегка улыбнулась. Сделала пометки в блокноте.

– Только вы можете это знать, – сказала она. – Вы много думали о ребенке?

– Он же в ее теле.

– Это не ответ.

Бергеру показалось, что он весь сжался. Съежился.

– Да, я много думал о ребенке, – сказал он.

Ночь. Штиль. Все вокруг замерло, как на фотоснимке.

Прямая улица стрелой протянулась между плотно стоящими домами. Уличные фонари пятнами выхватывают из темноты одинокие припаркованные автомобили по обе стороны дороги. Время года – неопределенное. Ясно только, что царит ночь. Ночь в ближнем пригороде.

Через редкие щели – в шторах, жалюзи, гардинах – струится слабый свет, это свет таких разных царств людей, страдающих бессонницей или боязнью темноты.

Все неподвижно. Полное безмолвие. Отдых и покой.

Для всех, кроме Нади. Она не отдыхает. В зеркале заднего вида она встречает свой взгляд.

Сколько всего он вмещает...

Не отводя взгляда, она шарит рукой по пассажирскому сиденью фургона. Парадоксальная уверенность на короткий миг отражается в ее карих глазах, когда пальцы скользят по металлу. Взгляд из-под черной шапки с отворотом смягчается.

Она теребит кольцо в форме восьмых нот, видит в собственных глазах всю свою жизнь. Видит детство, бедное, но живое, густой загадочный лес, вкусные бабушкины блины, незабываемые часы у фортепиано, видит маленькую певчую птичку словно со стороны. Потом видит продолжение: фаб-

руку, монотонную работу, тоску, смертельную опасность. Видит мечту, рай, который внезапно оказался совсем рядом – только руку протяни. Она видит, как направляется туда.

Видит и ад. Но туда нельзя. Лучше не надо.

Возвращаться в те годы. Они погребены слишком глубоко в памяти.

Те годы, что она провела здесь. Потерянные годы.

Все решится в это мгновение, на этой улице. В тот миг, которого так ждет Надя.

Время идет.

Справа от фургона в свете фонаря мелькает силуэт собаки. Надя сидит неподвижно, невидимая для всех, поглаживая металл кончиками пальцев. В световом пятне появляется хозяйка собаки, женщина с коротко стриженными светлыми волосами, в кожаной куртке и джинсах. Когда собака дергает поводок, на запястье женщины обнажается фрагмент татуировки. Ротвейлер останавливается, чтобы обнюхать переднее колесо, и татуировка снова скрывается под рукавом куртки.

Теперь Надя изо всех сил сжимает в руке металл, готовая поднять пистолет и направить его на пассажирскую дверь.

Женщина тянет за поводок. Тоже сильно. На руке отчетливо видна татуировка. Сердечко. Пронзенное стрелой имя «Сэм». Капелька крови. Кровоточащее сердце.

Надя поднимает пистолет, направляет его на женщину.

Между ними не больше метра.

Это могло бы стать последним мгновением.

Но ротвейлер устремляется вниз по улочке. Уводя за собой хозяйку.

Надя выдыхает, опускает плечи. Вновь тишина и покой вокруг.

Она чувствует себя такой маленькой и никчемной. Годы после ада, после Свободы, к которой она не осмеливается прикоснуться, тотальный самоконтроль, идеальная упорядоченность, каждая вещь на своем месте, чтобы направить жизнь в нужное русло. Больше никакого опьянения, она слишком долго жила в хмельном угаре – больше ни одного нетрезвого дня в жизни.

Скоро. Скоро время придет.

Придет пора засунуть голову в пасть льву.

Она смотрит на свои руки. Они лишь слегка подрагивают. Как будто сама жизнь снизошла с небес и поселилась у нее внутри. Она ощущает, как сердце качает жизнь, а не смерть, не безразличие, не тоску, не безнадежный порядок.

И в этот момент в зеркале заднего вида со стороны водителя она замечает какое-то движение.

По противоположной стороне улицы идет мужчина. Он направляется в ее сторону, его фигура то и дело мелькает между припаркованными автомобилями. Идет, обхватив тело руками, как будто ему холодно. По непродуваемому спортивному костюму и бордовой кепке она сразу узнает его.

Он так близко. Она перестает дышать.

Это он.

Время пришло.

Либо – либо. Рай или ад.

Их разделяют всего два фонаря, когда она, наконец, снова поднимает пистолет. Он делает еще несколько шагов.

Все должно быть идеально выверено. Каждый, пусть малейший, шаг.

Открывая дверцу автомобиля, Надя отчетливо видит перед собой маленькую девочку за фортепиано. Перебегая дорожку, слышит, как ангельский детский голос уносится в злое ночное небо.

Улица совсем неширокая. Всего пара шагов. Она выхватывает пистолет, смотрит мужчине в глаза, целится.

Он молниеносно исчезает за припаркованной машиной, большим джипом. Она не успела.

Внутри нее нарастает паника. Автомобиль можно обойти либо с одной стороны, либо с другой. Fifty-fifty³.

Надя решает обойти джип сзади, по часовой стрелке. Она пригибается.

Медленно.

Над ней словно опускается глухое небо. Больше никто не поет. Ощущение, что никто никогда и не пел на Земле. Безмолвие.

Мужчина выскакивает с другой стороны. Тоже по часо-

---

³ Пятьдесят на пятьдесят (англ.).

вой стрелке. Обегает машину. Хватает ее сзади. Выворачивает руку с пистолетом. Теперь ствол с глушителем направлен прямо в низко нависшее небо.

Словно к Богу.

Мужчина выхватывает пистолет из ее руки. Сколько всего вмещает в себя ее незащищенность в этот миг. Свобода – вот было бы верное слово. А вместо этого – фиаско.

Именно так это ощущается.

Надя не смеет дышать, когда мужчина заламывает ей руку за спину и пинками ведет через улицу. Она идет, пошатываясь и согнувшись. Согнувшись навсегда.

Он распахивает задние двери ее белого фургона. Надя видит, как он достает из кармана ветровки стяжные ремни. Когда он затягивает ремни вокруг ее запястий и щиколоток, она понимает, что смерть быстрой не будет.

Он закидывает ее в фургон. Она падает, как кулек, рот ее полуоткрыт, как в немом крике, от дикого ужаса.

Абсолютно безмолвный крик. Она не издает ни звука.

Сквозь маленькие окошки Надя видит, как мужчина направляется к водительскому месту. Вдруг он останавливается. Заметил что-то в нескольких метрах от земли. Он слегка приподнимает бордово-красную кепку. Целится.

Нет.

Он не целится. Он просто стреляет.

Наискосок вверх.

В воздухе разлетаются осколки стекла от камеры, установ-

ленной на фонарном столбе. Затем мужчина садится за руль и уезжает.

В багажнике никто не поет.

Никто уже больше нигде не поет.

Певчая птичка умолкла.

Сэм Бергер сидел на мостках у своего эллинга. Хотя он выпил всего одну порцию виски, по телу растекалось необыкновенное умиротворение, и с виски это никак не было связано. Все дело во взгляде. Умном, пронизательном, живом. В очках, которые загадочным образом держались на лбу, прямо на линии роста волос. А под очками – этот взгляд. Как будто она действительно его понимает. Считывает, трактует, принимает, понимает. Не то чтобы материнский, вовсе нет, просто всевидящий взгляд женщины чуточку старше, умнее и опытнее, чем он сам.

После слов «Да, я много думал о ребенке» Бергер больше не мог говорить.

Разговор застопорился. Совсем. Шарик из носовых платков множились, становились все более плотными и упругими. Но при этом оставались сухими.

Рита Олен не стала его торопить. Полистав свой ежедневник, она великодушно произнесла:

– Кстати, у меня есть окошко завтра во второй половине дня.

И вот теперь уже вечер после этого окошка. Взгляд Бергера скользил вдоль зеркальной поверхности залива Эдвикен. Сумерки только начали сгущаться. Оглушительная красота. Он не собирался сюда возвращаться. Элинг должен был

остаться его рабочим местом, а жить он планировал пере-
ехать обратно на Плуггатан в район Сёдермальм. Ходить в
офис, как все нормальные люди. И вечером уходить с рабо-
ты, как обычный человек.

Оставляя работу на работе.

Однако этого не произошло. Он осознал, что находится
лишь в самом начале долгого пути, на котором психолог Ри-
та Олен сыграет важную роль. Эллинг по-прежнему был его
местом. Здесь он и останется, пока не будет в состоянии раз-
делять жизнь и работу.

Работа и составляла его жизнь. Работа, которой почти не
было.

Это кое-что говорит и о жизни.

Бергер тяжело вздохнул – не выходя из умиротворенно-
го состояния – и потянулся к стоящему на столе ноутбуку.
Включил его, увидел незакрытое письмо и уставился на вло-
жение с файлом. Видеофайлом.

Рита Олен с самого начала предупреждала его о своих
«нестандартных методах», и во время второй встречи уже
снимала его на камеру. Когда он вернулся в эллинг, в почте
его ждало письмо с видео.

Бергер его не смотрел.

Вместо этого он пытался разобраться, кто он есть на са-
мом деле. В собственной жизни, в жизни других, в истории,
в вечности. Под каким бы углом он на себя ни смотрел, по-
лучалось, что ничего особенного он из себя не представля-

ет. Маргинальная фигура. Актер второго плана. Даже в собственной жизни.

К такой перспективизации привели обе встречи с Ритой Олен. И именно этому Бергер был обязан своим нынешним благодушным состоянием. Которое не омрачалось даже при взгляде на видеофайл.

Сэм Бергер должен стать главным героем в собственной жизни.

Файл загрузился мгновенно. Наклонившись к ноутбуку, Бергер дважды кликнул мышкой.

Почему-то фильм включился ближе к концу. Бергер увидел себя, сидящего в кресле в кабинете у Риты Олен. Ее саму не видно. Звук выключен. Зато Бергер увидел по меньшей мере пятнадцать бумажных комочков на столе перед кажущимся незнакомым мужчиной, губы которого несколько секунд беззвучно шевелятся. Потом лицо его искажает гримаса, мужчина опускает голову на колени.

Бергер поставил на паузу. Самое удивительное, что в этот миг в голове у него пронеслись всего две мысли: во-первых, он обрадовался, что поседевшие пряди его волос снова обрели естественный каштановый цвет; во-вторых, с удовлетворением отметил, что на лысину даже намек нет.

Интересно, как бы прокомментировала Рита Олен такую реакцию.

Бергер передернулся от какой-то парадоксальной *приятной* неприязни и перемотал на начало фильма, где Сэм Бер-

гер с прямой спиной усаживается в кресло и кисло улыбается. Перед ним еще нет маленьких бумажных шариков, лишь пачка обычных носовых платков.

Бергер включил звук и услышал мягкий голос Риты Олен:
– Сэм, вокруг вашего эллинга установлены камеры наблюдения?

Бергер увидел, как у него открылся рот от удивления.

– О чем это вы? – спросил он наконец.

– Я задала прямой вопрос, – сказала Олен. – Вы видели на днях вечером, как к вашему дому приближается посетитель? Поэтому вы и нырнули головой в унитаз? Чтобы подчеркнуть серьезность ситуации? Показать подруге всю степень своего отчаяния?

– Ди? – воскликнул Бергер.

– Да, кажется, так вы ее называете. Вы ведь ее видели через камеры наблюдения?

– Вы прыгаете с темы на тему, – сказал Бергер и покачал головой.

– Тема все та же, – спокойно возразила Олен. – Просто ответьте на вопрос.

Бергер смотрел на свою посредственную актерскую игру через объектив видеокамеры. Его снова передернуло, затем он услышал свой ответ:

– Да, у меня стоят камеры наблюдения. Да, я видел Ди. Да, именно поэтому я опустил голову в унитаз.

– Это был какой-то особый день? Требующий гипертро-

фированных действий? Которые, в свою очередь, требовали зрителей?

Бергер на видео молчал. Бергер в эллинге внимательно наблюдал за его взглядом. Все встало на свои места. Сознательное смешалось с бессознательным.

– Насколько я знаю, нет, – ответил Бергер на видео.

На мостках у эллинга возник третий Сэм Бергер и тут же вмешался в разговор. Полицейский Сэм Бергер когда-то был уважаемым следователем. Он всегда безошибочно определял ложь и притворство. И теперь он похлопал не столь безупречного с точки зрения морали частного детектива Сэма Бергера по плечу и разочарованно покачал головой.

Да он и сам видел по глазам мужчины на записи, что тот лжет. Неужели это могло ускользнуть от Риты Олен?

Ответ не замедлил себя ждать:

– Попробуйте еще раз, Сэм.

Заметив потухший взгляд пациента на видео, полицейский и частный детектив, сидя плечом к плечу на берегу залива, дружно покачали головами.

Как же его легко раскусить...

– В этот день должен был родиться наш ребенок, – сказал он без всякого выражения.

Когда Бергер наклонился ближе к ноутбуку, его полицейское «я» куда-то испарилось. Сэм перемотал вперед, до того момента, где перед ним на столе лежит пятнадцать бумажных комочков. Снова включил воспроизведение.

Послышался голос Риты Олен:

– Все-таки мне кажется, что вы начинаете осознавать, что ключом к вашему душевному равновесию является Молли Блум. Попробуйте рассказать, Сэм. Она действительно исчезла и с тех пор не подавала признаков жизни, кроме этого видео, снятого в аэропорту Брюсселя?

Бергер на записи медленно кивнул.

– За все это время она ни разу не позвонила, – сказал он. – Даже вшивого сообщения не прислала.

– Но в тот-то день, думали вы, она точно даст о себе знать? В день родов?

– Я прождал весь день, сидел как на иголках.

– Значит, до того, как было снято то видео, она сообщила вам предполагаемую дату родов?

Бергер снова кивнул.

– В последний раз, когда мы виделись вживую. Она назвала дату, которую высчитала акушерка. И сказала, что будет думать дальше о... нашем совместном будущем.

– И вот позавчера вы сидели как на иголках. А к вечеру через камеры наблюдения заметили приближающуюся к вашему эллингу женщину.

– Я думал, что это она, – почти беззвучно произнес Бергер.

– А когда выяснилось, что это Ди, вы прониклись жалостью к себе?

– Я, между прочим, чуть зуб не выбил, – криво улыбнув-

шись, ответил Бергер.

На какое-то время воцарилось молчание. Гробовая тишина. Наконец Рита Олен спросила:

– Так в чем, собственно, проблема?

Лицо Бергера исказилось гримасой.

– Я, черт возьми, так за нее волнуюсь, – прорычал он.

Потом опустил голову на колени.

Он поставил запись на паузу. На том же самом месте.

Теперь ему было абсолютно наплевать, есть ли у него лысина.

Лето близится к концу. Иван крепко обхватил себя руками, как будто замерз. Хотя он идет в глубокой тени леса, красная кепка плотно надвинута на лоб до самых бровей. Он идет долго. По дороге никого не встречает, а если бы и встретил, то не заметил бы. Взгляд устремлен вниз, к земле, к едва различимой в траве тропинке, к насекомым, ко всем этим трудягам, для которых жизнь – это просто судьба. Чьи долг и стремления прописаны в генетическом коде. Тем, кому никогда не приходилось переживать ад под названием «свобода».

Свобода.

Иван слышит шорох, где-то справа, среди ветвей. Он поднимает взгляд. Отдельные лучики солнца пробиваются под козырек кепки. Светят ему в глаза. Ивану это не нравится. Он не любит свет.

Над тропинкой прямо перед Иваном пролетает птица, на верное, дятел. От нее что-то отделяется, как бомба от самолета. Птица исчезает в тишине.

Иван шагает дальше, снова опустив взгляд. Замечает муравейник у дерева. Останавливается, рассматривает тропинку у себя под ногами. Большое пятно птичьего помета, белое с вкраплениями, жидкое, как бы пенящееся. Посередине пятна застрял муравей. Он изо всех сил молотит лапками,

словно утопающий. Можно подумать, что муравьи тонут.

Поблизости снуют другие муравьи, вскоре они начинают группироваться, как по команде. Ими как будто управляют неведомые силы, словно они – отдельные клетки мозга в невидимой голове.

В конце концов они выстроились в шеренгу. Каждый муравей схватился за впереди стоящего, и вот вся шеренга вступила в птичью кляксу. Муравей, шагающий первым, взялся за тонущего, и очень медленно шеренга потянулась назад. Наконец пострадавший муравей оказался на земле. Весь белый, подрагивая, стоял он рядом с верными товарищами. Многие из них выглядели такими же белыми и ошарашенными.

Проходит пара секунд. А потом муравьи снова принимаются копошиться, сливаются с толпой таких же вечно снующих собратьев. На какой-то миг черную от кишачих муравьев тропу пререзает тончайшая белая ниточка. Затем ниточка исчезает в лесу.

Иван перешагивает муравьиную тропу и идет дальше. Вскоре лес начинает редеть, солнечный свет становится ярче. Он надвигает кепку на самые глаза и входит в нечто, что когда-то было садом. Следы посадок, заброшенные плодовые деревья, все заросло высокой, пожелтевшей от летней жары травой.

Лето близится к концу.

Иван подходит к старому зданию. Красная краска давно

облупилась. Оконные рамы уже лет двадцать как перестали быть белыми. Доски на крыльце прогнили, превратившись в смертельные ловушки; Иван точно знает, на какие из них нельзя наступать. Некоторые еще сносные.

Иван поднимается на террасу. Там все обросло чем-то зеленым, похоже на водоросли, но вероятнее, это какие-то мхи. Он останавливается, оглядывается, окидывает взглядом полный упадок. Очевидный в солнечном свете. В другой голове наверняка тут же зародилась бы мысль о ремонте, об обновлении.

Но только не в его.

Иван открывает глухую входную дверь, входит в дом, закрывает ее за собой. Оказывается почти в полной темноте. Хотя даже плотные шторы не могут полностью скрыть солнечные лучи; какой-то свет все равно проникает внутрь, как будто надеясь на призрачный шанс.

Шанс, что сюда может просочиться свет.

Он проходит через кухню с горой грязной посуды. Он уже давно не чувствует запахов.

Заходит в помещение, смутно напоминающее спальню. Подходит к комоду. Сверху лежит мобильный телефон с вынутой сим-картой, свернутая черная шапка, какая-то куча одежды. Иван берет шапку и медленно приближается к зеркалу в полный рост, висящему на противоположной стене. Останавливается.

В первый раз поднимает взгляд, выглядывает из-под ко-

зырька кепки. Рассматривает себя.

Потертый спортивный костюм. Дырявые кеды. Темно-красная кепка без логотипа, без надписи. Больше ничего.

А, еще лицо. То, что от него осталось после долгих лет отсутствия какого-либо ухода. Он внимательно рассматривает свое отражение.

– Иван Грозный, – произносит он.

Потом снимает кепку, долго держит ее в руке, наконец швыряет на пол. Берет свернутую черную шапочку, которая была на женщине, разворачивает ее так, что получается балаклава. Обычно такие носят бандиты. Иван натягивает балаклаву на коротко стриженные каштановые волосы, натягивает так, чтобы полностью закрыть лицо, чтобы больше не видеть себя. Избавиться от своего лица.

Теперь видны только глаза. Иван начинает расстегивать верх спортивного костюма. Тянет молнию вниз, сбрасывает с себя куртку, стягивает грязную футболку. Стоит с голым торсом.

Он не умеет плавать.

Он тонет в дерьме и не умеет плавать. Он опускается на дно, легкие полны экскрементов. Вдруг он видит, как откуда-то появляются люди, женщины, они приближаются к нему. Строятся в шеренгу, хватаются друг за друга, ныряют прямо в дерьмо, плывут к нему.

Вытаскивают его из выгребной ямы.

Благодарность в разных формах.

Иван стягивает с себя мешковатые спортивные штаны, стоит в одних обтягивающих трусах, снимает и их.

Теперь он совершенно голый, если не считать шапочки.

Он легонько тянет за член, видит, как он увеличивается в размерах.

Возвращаясь к комоду, он обхватывает себя руками, словно ему холодно. Копаются в куче одежды, отбрасывает стеклянную банку, полную сим-карт, находит пару стрингов, подносит их к носу, делает глубокий вдох. Потом кладет обратно, достает из кучи пистолет.

Пистолет с глушителем.

Иван выдвигает ящик комода и вынимает оттуда блокнот. На обложке – радужная пони. Затем откапывает ручку и фонарик.

В последний раз останавливается перед зеркалом, в одной руке пистолет, в другой – ручка, блокнот и фонарик. Он в полной боевой готовности.

Иван подходит к ближайшей двери, еще раз осматривает себя, на этот раз в другое большое зеркало, отпирает дверь вставленным в замочную скважину ключом. Распахивает ее.

Темнота там, внизу, *активная*.

Она засасывает все.

И его тоже.

Он спускается ей навстречу.

Наверное, это было бы правильно назвать рассветом, а может быть, и нет. Возможно, стояло лето, а возможно, нет. Но то, что увидел Сэм Бергер, расстегнув молнию спального мешка, определенно являлось светом.

Это точно был свет.

Свет в конце... да, чего-нибудь.

Вылезти из спальника оказалось легче, чем обычно. За последние месяцы он нередко обвивал Сэма, как удав, отказываясь ослабить хватку. Теперь же Бергер вынырнул из его сетей как новорожденный из чрева матери.

В одних трусах, он свесился над перилами, отделяющими его от небольшой бухты под названием Эдсвикен. Все-таки, наверное, еще лето – хотя Сэма и не покидало чувство, что осень вот-вот вступит в свои права – и рассвет уже давно наступил. Бергер взглянул на мягко сияющее над водой солнце, и на миг ему показалось, что у солнца сдвинуты на лоб очки.

Похоже, Рита Олен стала солнцем в его жизни. Позади уже целый ряд плотно следующих одна за другой встреч. Теперь все кажется проще. Сама жизнь проще. Хотя на самом деле мало что поменялось.

Возможно, он просто научился жить с самим собой.

Или, по крайней мере, начал учиться.

На сегодня запланирован утренний прием. Бергер успеет окунуться, но не более того. А потом отправится в Психотерапевтический центр. На взятом в аренду служебном автомобиле.

Как будто он расследует важные дела.

Как будто у него настоящий бизнес.

Но сейчас даже мысль об отсутствии денег не могла заглушить всей прелести утреннего света.

В специальном кармашке на перилах, рядом с ведущей в воду лесенкой, уже лежали шампунь и гель для душа. В тот момент, когда Бергер опустил ногу в прохладную воду, зазвонил его мобильный телефон.

Мгновение он колебался. Кто такой важный мог что-то от него хотеть в столь безбожно ранний час? Ему так не терпелось оказаться в благословенной морской воде. Но тут до него дошло, что у него своя фирма. А эллинг, вообще-то, его офис, а не ветхая холостяцкая лачуга. Бергер выпрыгнул обратно на мостки, нашарил телефон рядом со спальным мешком. Номер не определился. Звучит многообещающе. С напускной бодростью Бергер ответил:

– АО «Эллинг Секьюрити», Сэм Бергер вас слушает.

На том конце было тихо. И в то же время там кто-то был. Тишина, но не полная. Бергеру показалось, что он слышит чье-то легкое дыхание. Так продолжалось несколько секунд. Сэм замер на месте, ощущая, как внутри расплывается смутное предчувствие. Потом где-то далеко на заднем плане по-

слышался нарастающий звук. Слабый крик. И тут женский голос прошипел:

– Черт.

Послышалось какое-то бряканье, и разговор прервался.

Сэм Бергер стоял на мостках, уставившись на телефон как замороженный.

Разумеется, это мог быть какой-нибудь телефонный мошенник. Или вообще извращенец. Но нет. И Бергер был абсолютно в этом уверен. Настолько уверен, что голова дрожала с той же частотой, что и рука, сжимающая телефон.

Звонившая не знала, как начать. И только придумала, как где-то на заднем плане проснулся ребенок. Потому что тот, кто произнес «черт», был никто иной, как Молли Блум.

Номер не определился. Если она не позвонит еще раз, ему никогда ее не разыскать. Ведь она может находиться в любой точке мира. Если достаточно долго гипнотизировать телефон, он непременно зазвонит снова.

Шло время, минута за минутой. Безумные мгновения. Время, не имеющее границ и не подчиняющееся никаким законам. Он просто стоял. Смотрел. Ничего не чувствовал.

И тут телефон действительно зазвонил опять.

Скрытый номер.

Каким-то чудом ему удалось нажать нужную кнопку. Он не сбросил звонок. Вместо этого ответил:

– Молли?

Несколько секунд тишины. Дыхание. А потом:

– Да.

Следующая реплика была чрезвычайно важной для Бергера. Онемевшими губами он спросил:

– Все в порядке, Молли?

Снова молчание. Дыхание. Никаких младенческих криков на заднем плане.

– Все хорошо, – ответила она наконец. – Я просто хотела...

– Я слушаю, – сказал Сэм.

– Да нет, – фыркнула Молли. – Ничего особенного. Просто хотела сказать, что у нас все хорошо.

Бергер медлил. Он чувствовал, насколько трепетный настал момент.

– У нас? – переспросил он коротко.

– Ты же ее слышал. Я была уверена, что она уснула.

Бергер с трудом сдерживался, чтобы не вывалить на Молли сразу все миллиарды вопросов.

– Вы дома? – выдавил он.

Смех, который Бергер услышал в ответ, к счастью, не был похож на смех сумасшедшего. Скорее смех из преисподней.

– Дома? – переспросила она наконец. – Я не имею ни малейшего представления, что такое *дом*. Но да, мы в Швеции.

– У меня так много... – начал было Бергер.

– Я знаю, – перебила его Молли. – Именно это «много» меня и угнетает. Тебе придется довольствоваться тем что есть.

Она отключилась.

Все-таки он умудрился сказать не то, что надо.

Однако он не корил себя. Она сказала ровно столько, сколько готова была сказать. По крайней мере, он не выглядел идиотом. Как ему казалось. Главное – теперь он знал, что у него есть дочь.

Что Молли дома и с ней все хорошо.

Это уже очень много.

Бергер смотрел на быстро поднимающееся над морем солнце. Еще чуть-чуть, и оно начнет слепить глаза. И все же он смотрел, не отрываясь.

Надо кому-нибудь рассказать. Кому угодно.

Нет, не кому угодно. Наоборот. Только избранному человеку. Другу.

Если у него когда-то и были друзья, то за последний год отпали и последние. Наверное, пришла пора возродить старые знакомства. Но не сейчас. Не с этой новостью.

Есть только один. Один настоящий друг. Которому он доверяет на сто процентов.

Бергер быстро выбрал нужный номер и позвонил Ди.

* * *

Он шел по бесконечно длинным коридорам. Никаких тревог на душе. Ни малейших раздражающих мыслей об упущенных возможностях и жизненных катастрофах. Впервые за очень долгое время Сэм Бергер чувствовал себя совер-

шенно чистым.

Он постучал, услышал знакомый женский голос, вошел.

Рита Олен сидела, как всегда, на диване, с блокнотом в руках. Короткая стрижка на светлых волосах ей очень шла и прекрасно сочеталась с коричневым платьем, сменившим привычный джинсовый костюм. Рита подняла дружелюбный проницательный взгляд.

– Добро пожаловать, Сэм, – сказала она спокойным тоном. – Похоже, вы чувствуете себя превосходно.

Бергер устроился в кресле, взглянул на коробку с носовыми платками.

– Я и *правда* чувствую себя превосходно.

Это был свет, какого не встретишь больше нигде. Почти как отдельная форма существования. Этот тусклый, и вместе с тем резкий свет возможен только в патологоанатомическом отделении.

Постояв в коридоре перед непосредственно прозектурой, комиссар Дезире Русенквист из Национального оперативного отдела смогла подавить в себе отвращение перед предстоящим зрелищем.

Она бы предпочла этого не видеть.

На короткое мгновение она мысленно перенеслась к разговору с Сэмом Бергером, своим бывшим начальником, но прежде всего – коллегой и хорошим другом. Дезире не могла припомнить, чтобы когда-нибудь в его голосе звучало столько искренней радости.

Молли Блум вернулась. Так или иначе, она вернулась. Снова есть на кого и на что рассчитывать. И речь не только о Бергере.

Все снова закрутится.

Ну все, дальше игнорировать прозекторский свет нельзя. Дезире сделала глубокий вдох, взяла себя в руки и вошла.

Широкий силуэт на фоне яркого света. Мужчина стоял спиной ко входу между двух накрытых белыми простынями железных кроватей, его защитный костюм казался вдвое тол-

ще того, что был надет на Дезире.

Когда он обернулся и улыбнулся ей, Дезире поняла, что Робин поправился килограммов на восемь, не меньше. Интересно, насколько большим можно стать, при этом оставаясь начальником Шведской национальной криминальной лаборатории.

– Комиссар Дезире Русенквист, – промолвил он. – Как приятно.

– Учитывая, что вы меня сами вызвали, мое появление не должно вас удивлять, – ответила комиссар Русенквист.

С недавних пор она снова чувствовала себя той самой Ди.

– Nevertheless⁴, – галантно произнес Робин, одним движением срывая простыни с обеих коек.

Ди слышала собственный стон. За свою профессиональную жизнь она столько всего повидала, что отвыкла от зрелищ, заставляющих отпрянуть и вызывающих приступы рвоты.

– Своего рода пазл, – сказал Робин.

– Тьфу ты, Робин, – выдохнула Дезире. – Предупреждать надо.

– Вот что действительно надо, так это добудиться вас.

Пересилив себя, Ди сделала два шага вперед.

– О чем это вы? – спросила она.

– Я пытался донести до Национального оперативного отдела, что дело тут серьезное, еще когда появилось *вот это*, –

---

⁴ Как бы то ни было.

сказал Робин, указывая на нечто, похожее на большую берцовую кость.

По крайней мере, в пазле она занимала именно это место.

Ди смотрела на контуры двух человеческих тел. Голова, тело, руки, ноги – только все в виде фрагментов, разложенных по местам. Некоторых элементов мозаики не доставало, а те, что имелись, были сильно повреждены. У Ди не осталось ни малейших сомнений, что Робин так искусно выложил перед ней два расчлененных тела утопленников.

– Будьте добры, с самого начала, – хрипло попросила она.

– Пару недель назад к одному из островков в дальних шхерах прибило вот эту берцовую кость. Женщина, вызвавшая полицию, думала, что речь идет о незаконной охоте. Она так и не поняла, что кость – человеческая, в результате чего новость об этой находке не стала достоянием широкой общественности. Ваш коллега Бенни Сведин...

– Вероятно, вы имеете в виду моего шефа Конни Ландина, – перебила его Ди.

– ...как обычно, не проявил к случившемуся особого интереса, а отчет судмедэксперта настроил его на еще более пассивный лад.

– И что говорилось в отчете? – терпеливо спросила Ди.

– Что кость с большой долей вероятности была отделена от тела при жизни потерпевшего. И даже моя углубленная экспертиза не подстегнула расследование.

– А она, в свою очередь показала, что...?

– Один единственный удар очень острым клинком.

Ди кивнула и спросила:

– Что было потом?

– Выделить ДНК оказалось сложно, и не успели мы получить окончательный ответ из лаборатории, как на днях позвонил один рыбак и рассказал о странных снастях, найденных у островка в самых дальних шхерах. Короче говоря: мы обнаружили две сети в форме клеток, содержащие части человеческих тел. В одной из них оказалась дыра, достаточно крупная для того, чтобы через нее вывалилась берцовая кость. С тех пор мы и занимаемся этим сложным пазлом. Главная заслуга Ронни Брандена в том, что ему удалось убедить рыбака молчать о находке. Ведь если бы о ней узнали СМИ, это вызвало бы определенный резонанс.

– Значит, теперь вы обратились ко мне в обход Конни Ландина? – спросила Дезире Русенквист. – И что у вас на этот раз?

Положив одетую в перчатку руку на найденную первой берцовую кость, Робин сказал:

– Это Борис Воскобойников, русский мошенник, промышлявший незаконной деятельностью в Швеции в девяностые годы. Четырнадцать лет назад он исчез из страны. С тех пор, по сведениям российских правоохранительных органов, он занимался криминалом в Петропавловске-Камчатском, это на Дальнем Востоке России.

– Ну хорошо, а чем он сейчас здесь занимался?

– А его здесь не было, – сказал Робин. – До тех пор, как он не оказался на дне Балтийского моря.

– Вероятно, непосредственно перед этим он все же тут появился, – предположила Ди. – А второй?

Робин сменил руку и сказал:

– Здесь анализ ДНК не понадобился. Отпечатки пальцев хорошо читаются, и они есть в нашей базе данных. Адриан Фокин, гражданин Швеции, родился в Советском Союзе в шестидесятые годы. Несколько раз задерживался за драки, никаких легальных доходов за последние десять лет не имел.

– Профессиональный бандит старой школы, – кивнула Ди. Робин неопределенно взмахнул рукой.

– Значит, этот Адриан Фокин умер позже, чем Воскобосконоско? – спросила Ди.

– Его фамилия Воскобойников, – ответил Робин, наморщив лоб. – Неплохо бы вам научиться запоминать имена, Дезире.

Выдержав небольшую самодовольную паузку, Робин продолжал:

– По заключению судмедэксперта, он погиб всего несколько дней назад. Судя по всему, тот же *modus operandi*. А Воскобойников умер, допустим, три недели назад.

Ди попыталась сосредоточиться на телах, но это давалось ей с трудом.

– Здесь у меня вся документация, – произнес Робин, помахивая толстой папкой – наверное, это был такой способ ее

успокоить.

– И какие вы сделали выводы? – спросила Ди, тяжело вздохнув.

– Я криминалист, – ответил Робин. – Полицейские выводы – это не моя сфера.

– Вы просто все это на меня вывалили, у меня не было ни времени, ни возможности вникнуть в суть дела, а вы уже некоторое время ими занимаетесь. Какие-то мысли у вас должны появиться.

Криминалист медленно кивнул, а затем произнес:

– Найдены в одном месте, в морской впадине, на самом краю архипелага, в месте, которое никто никогда не стал бы обследовать, в своего рода клетках, указывающих чуть ли не на промышленную деятельность. Разумеется, трупы связаны между собой. И понятно, что речь идет об организованной преступности. Двое выходцев из Советского Союза убиты одним и тем же способом с разницей в пару недель. Русская мафия – слишком примитивное предположение?

– Примитивен сам вывод, – сказала Ди. – Вы наверняка развили эту мысль.

Робин фыркнул:

– Убиты и утоплены с промежутком в три недели. Значит, это не одно преступление, а два идентичных, можно сказать, серия.

– А вот это... расчленение? Что вы о нем можете сказать?

– Разумеется, тут имеют место пытки, – сказал Робин. – В

некоторых культурах их используют, чтобы разговаривать людей. Сомнительный метод, учитывая, что большинство вырубается прямо на допросе.

– Получается, какая-то ветвь мафии на протяжении нескольких недель пыталась выудить нужную информацию? Всеми возможными способами?

– Можно ли назвать такой вывод профессиональным? – спросил Робин, протягивая Ди папку.

Она взяла, полистала. Кивнула Робину в знак благодарности и оставила его работать дальше.

Уже в коридоре она почувствовала, как кружится голова. Пришлось бороться с собой, чтобы не упасть. И это было не просто омерзение от увиденных расчлененных утопленников.

Все дело в ее собственных выводах. Ди с трудом скрывала нетерпение. В сочетании с телефонным разговором с Сэмом Бергером ее вывод означал, что все действительно закрутилось.

Несколько недель подряд мафия пыталась заполучить какую-то информацию.

Звонок оказался полной неожиданностью, и, протискиваясь между столиками старого кафе, Сэм Бергер не был уверен, что то, что он чувствует, можно назвать предвкушением. И все же, наверное, это именно предвкушение. В ее голосе не было ничего пугающего, мрачного, скорее неуверенность, сомнения, как будто она ступала по зыбучим пескам.

Она сидела в отдельном маленьком зале полупустого кафе. Перед ней дымились две чашки кофе. Заметив его, она просияла как солнце и сдвинула очки на лоб.

– Я решила, что вы предпочитаете черный, – с улыбкой сказала Рита Олен.

– Черный? – переспросил Бергер, садясь напротив.

– Кофе, – уточнила Олен, подвигая к нему одну из чашек.

Он засмеялся, кивнул и взял чашку.

Какое-то время они смотрели друг на друга, словно пытаясь прояснить ситуацию. Наконец Бергер взмахнул рукой и спросил:

– И что это такое?

Рита Олен смотрела в потолок, подбирая слова.

– Совсем недавно я овдовела, – сказала она. – Мой муж умер от инфаркта, вызванного стрессом, оставив мне состояние, за которое заплатил слишком высокую цену.

– Это что, свидание? – вырвалось у Бергера. Еще не успев

поймать разочарованный взгляд Риты Олен, он уже пожалел о сказанном.

– Деньги я не трогала, не было повода, – продолжала она. – Я живу своей спокойной жизнью.

Она выдержала паузу, которую Бергер считал нужным заполнить.

– А теперь что-то изменилось?

Она вздохнула, кивнула с неопределенным видом. Помолчав, сказала:

– Вы помните, я рассказывала, что важная часть моей работы – помощь жертвам сексуального насилия?

Бергер утвердительно кивнул.

– Одну из моих пациенток зовут Надя, – продолжала Рита Олен. – Ее похитили.

Бергер нахмурился.

– Что говорит полиция? – спросил он.

– В этом-то все и дело, – сказала Олен. – Мне ни в коем случае нельзя обращаться в полицию.

– Вам? Значит, похититель обратился к *вам*? Но почему?

– Наверное, узнал, что у меня есть деньги, – пожала плечами Рита. – Я близко общаюсь с Надей и у меня есть деньги.

– Вы говорите «он»...

– Это Надя говорит, – сказала Олен.

Бергер молчал, рассматривая пыльные фарфоровые блюда, по всей видимости, десятилетиями висевшие на стенах кафе.

– А почему вы обращаетесь ко мне? – спросил он наконец.

– Если честно, у меня нет других знакомых частных детективов, – улыбнулась Олен.

– Консультантов по вопросам безопасности, – поправил ее Бергер.

Теперь он явственно ощущал предвкушение.

– Я хочу нанять вас, – просто сказала Рита Олен.

Он задумчиво кивнул.

– А что будет с нашей терапией? С этической точки зрения нормально работать психотерапевтом... со своим частным детективом?

Она кивнула, так же медленно.

– Не знаю, – произнесла она. – Правда, не знаю. Но у нас жесткие временные рамки.

– Временные рамки?

– Три часа дня в воскресенье. Мы должны найти ее до этого момента. После этого продолжим терапию, как обычно.

– Сегодня четверг, – задумчиво протянул Бергер. – У нас не больше трех суток. Трое суток без терапии. В таком случае, нам надо заключить договор по всем правилам...

Рита Олен наклонилась и извлекла папку из незаметно лежащей на полу сумки. Вынула из папки бумагу, внимательно посмотрела на Бергера и передала ему документ.

– Сегодня утром мой адвокат составил контракт, – сказала она.

Прежде чем взглянуть на бумагу, Бергер встретился с Ри-

той взглядом.

– Это своего рода выписка? Я больше не болен?

– Вы никогда не были больны, Сэм. Вы просто плохо себя чувствуете.

– И вы настолько доверяете этому дурно себя чувствующему существу, что...?

– Просто прочтите контракт, – перебила его Рита Олен.

Так он и сделал. Сразу же наткнулся на сумму. Почувствовал, как у него буквально сделались *большие глаза*. Да что уж там скрывать, она все равно видит его насквозь. Перед ней притворяться не получается.

– Черт возьми, Рита, – произнес он.

Она накрыла его руку своей. Посмотрела ему в глаза.

– Моя работа заключается в том, чтобы оставаться понятной, нейтральной, здравомыслящей, – сказала она. – Чтобы пережить услышанное от измученных полицейских и жертв сексуального насилия, я должна оставлять работу на работе. Но на практике все иначе. Что-то застревает в голове. В теле. В сердце, если хотите. Думаю, вы как раз тот случай. А вот Надя – *точно*.

– Но... миллион?

– Если вам так легче, рассматривайте это как часть терапии.

– Как это возможно?

– Вы не можете жить без работы. А это *настоящая* работа, Сэм, уж поверьте мне, это вам не какое-нибудь скучное

страховое мошенничество. И если вам не придется постоянно беспокоиться о финансах, вы почувствуете себя намного лучше. Все в рамках терапии.

– Подозреваю, в этой терапии возможны трагедии...

– Но речь, разумеется, не о вас, Сэм. Ваша задача заключается в том, чтобы избежать трагедии. То, что пережила Надежда, вряд ли многие смогли бы пережить. После шести месяцев терапии мы только начали соскребать поверхностный слой. Она всего этого не заслуживает. Она заслуживает медали. От Бога.

Бергер медленно кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Что у вас есть?

Рита Олен достала из папки файл. Сквозь прозрачный пластик виднелся конверт.

Бергер взял файл.

– Когда вы получили письмо? – спросил он.

– Вчера, – ответила Рита Олен.

– Судя по штемпелю, отправлено позавчера, во вторник, – заключил Бергер, внимательно осмотрев конверт. Оно пришло на ваш домашний адрес?

– При том, что я его не разглашаю, – заметила Олен. – Нигде в сети его не найти.

– Вы не могли в какой-то ситуации сообщить его Наде?

– Нет, очень маловероятно.

– Почерк знакомый?

– Тем же почерком написано само письмо. Да, я сравнила

с парой рукописных текстов, оставшихся после сеансов психотерапии, это точно Надин почерк.

Бергер кивнул, одними ногтями вынул письмо из конверта.

– Сначала я взяла его в руки, а когда поняла, в чем дело, надела перчатки.

Бергер кивнул и развернул письмо, по-прежнему одними ногтями, заметил странную печать сверху – как будто маленький единорог скачет через радугу.

– My Little Ponny, – пояснила Рита Олен.

Бергер кивнул, как будто что-то понял. А потом прочел письмо:

«Рита, дарагая! Я пишу это, патаму што он мне сказал Писать, и это не СВОБОДНОЕ письмо. Я бы хотела написать другое, кто он, что делает и почему, но если я Попытаюсь, он просто сомнет листок и засунет мне в Глотку. Он уже раз десять так делал. Если бы ты только знала Рита дарагая! Што тут происходит. Это как Сво бода, но в десять раз. Он просит денег штобы отпустить меня. Я никаво не знаю, у каво столько денег. Он Говорит 100 000. Блин. Рита, ты одна из всех каво я знаю Абразованная. Ты знаешь што делать. У ниво адрес thevalleyoftheshadowofdeath сабака gmail точка com. Он сичас рядом орет, што это срочно и если обратятся в полицию, он миня убьет. Ты знаши я много магу вынести Рита, но это СЛИШКОМ. Он серьезно

*бальной. Мне надо выбираться. Памаги мне, дарагая!
Абнимаю, Надя»*

Бергер перечитал письмо, скорчил гримасу.

– Было бы неверно судить о ней по тому, как она пишет, – поспешила заверить Рита Олен. – Слишком многие так судили. Надя работает, трудится изо всех сил. Разные клининговые компании, минимум по двенадцать часов в день. Единственное, что она может себе позволить, – жизненно необходимая психотерапия два раза в неделю. За которую я беру только половину стоимости.

Бергер кивнул в сторону письма и сказал:

– Если я правильно понял, вы собираетесь заплатить выкуп?

– Как я уже сказала, мы с Надей очень сблизились, – сказала Олен. – Да, я хочу заплатить эти сто тысяч, которые требует похититель. И зарплату вам, Сэм.

Бергер повертел письмо в руках.

– Никаких инструкций по поводу передачи денег? – спросил он.

– Нет.

– Срок, как я вижу, тоже не обозначен.

– Да, здесь не обозначен, – согласилась она.

Бергер решил дальше не развивать эту мысль. Но решение уже было принято. Тяжело вздохнув, он произнес:

– Тут почти не с чем работать.

– Вы ничего тут не видите, чисто инстинктивно? – с лег-

кой улыбкой спросила Рита Олен.

– Сво бода – это, я полагаю, свобода, – произнес Бергер, показывая на письмо. – Здесь вообще много заглавных букв, но смысл понятен. Что такое Свобода? Речь явно идет не об абстрактном понятии.

– Мне кажется, мы приблизились к ней во время терапии, – сказала Олен. – К Свободе. Но я не знаю, что это. Надя хотела обсудить эту тему, но не знала, как к ней подойти.

– Речь идет о каком-то месте?

– Как я уже сказала, у Нади очень тяжелое прошлое. То, что она стоит на ногах, уже само по себе чудо. Она сильная, и когда пишет в письме, что многое может вынести, это можно назвать преуменьшением века. И если такая женщина, *как она*, считает, что нынешнее ее положение – это уже *слишком*, то значит, так и есть. Думаю, вы согласитесь со мной, что она потрясающий человек, достойный спасения.

Бергер кивнул.

– Мне нужно гораздо больше информации.

Олен придвинула к нему всю папку:

– Я собрала все, что знаю.

Бергер открыл папку. На него смотрела брюнетка с неожиданно открытой улыбкой.

– Но это, к сожалению, еще не все, – сказала Рита Олен, закрывая папку поверх пальцев Бергера.

Бергер смотрел на нее и ждал. Наконец Рита продолжила:

– Вчера поздно вечером я получила письмо.

– С адреса *thevalleyoftheshadowofdeath@gmail.com*?

– Да. Единственное письмо. Довольно прямое. Все завязано на конкретное время. В письме оно обозначается как В. Если похититель не получит деньги, в воскресенье в восемнадцать ноль-ноль дома меня ждет доставка. Он ведь знает, где я живу...

– Доставка? – переспросил Бергер.

– Это уже менее важно, – ответила Олен. – Мне просто привезут Надину голову с доставкой на дом. Главное – это В.

– В? – простонал Бергер.

Олен опустила взгляд – казалось, он проник через столик дальше вниз, в неведомую черную глубину.

– В как «время смерти», я полагаю, – ответила она. – В пятнадцать часов в воскресенье, двадцать первого сентября, Надя умрет. Через три дня. Если вы не освободите ее раньше.

Тремя сутками ранее

Идя по густому лесу, Бергер пребывал в приподнятом, и вместе с тем подавленном расположении духа. Миллион от Риты Олен, который он получит в понедельник после В – воскресенья, пятнадцати ноль-ноль – без сомнений, позволит сохранить на плаву АО «Эллинг Секьюрити». С другой стороны, зацепиться практически не за что.

Но это его никогда не останавливало.

Начался обратный отсчет, Бергер ощущал это где-то глубоко в душе. Надо действовать. Не обращая внимание на тревожное тиканье часов.

Он вышел к лесной опушке, присел за кустом. На маленькой посыпанной гравием площадке шел футбольный матч. Игроки разного роста, но все не сильно большие. Команда двенадцатилетних ребят из футбольного клуба Энчёпинга, похоже, с треском проигрывала. На воротах стоял парнишка по имени Оскар, и он по-прежнему был сыном Сэма Бергера.

Как это на него похоже, типаж вратаря, аутсайдер, при этом на борту вместе со всеми. А вот Маркус классический распасовщик. Соло-гитарист. Но он и на несколько минут старше.

Бергеру необходимо видеть их такими, какие они есть, в их настоящей жизни. В жизни, где отец присутствовал лишь

в виде растущей опухоли, от которой их рано или поздно избавит медицина будущего.

А ему нужно просто видеть их.

Украдкой.

The still point of the turning world.

Он дождался финального свистка. Молодежная команда Энчэпинга потерпела разгромное поражение, но не унывала. Когда Бергер увидел, как Оскар обнимает Маркуса, в жизни внезапно все сошлось.

А выйдя из леса, он увидел, как кто-то идет ему навстречу. Проводник. Это был полицейский Сэм Бергер и, поравнявшись, они слились в одно целое.

Час спустя он сидел на новеньком ярко-синем диване и смотрел на царящий в эллинге хаос. Все же нельзя не признать, что ремонт потихоньку продвигается. Оба мини-кабинета в дальней части здания уже готовы. В одном из них и расположился Бергер. Второй, вероятно, так и будет пустовать.

Как склеп.

Бергер подошел к стоящей у окна доске и убрал все, что относилось к страховому мошенничеству. Открыл полученную от психолога Риты Олен папку и заполнил доску информацией о пока еще совсем незнакомой ему Наде. Потом перенес доску в свой кабинет.

На новом письменном столе стоял новехонький компьютер. Рядом лежала целая гора запутанных проводов, пуль-

тов, роутеров и соединителей Молли Блум, оставшаяся после расследования предыдущего дела. Благодаря этой хаотичной паутине Бергер мог, в меру нелегально, подключиться к различным полицейским базам.

Только не в этот раз. Лампочка на одном из роутеров не горела. Бергер тяжело вздохнул, по проводу дошел до недавно закрепленного на стене шкафчика. Вроде все в порядке. Второй провод уходил под пол, где помещались различные разъемы и розетки. Оказалось, что как раз там провод и отошел. Бергер снова воткнул его, отверстие закрывать не стал: такое случалось настолько часто, что каждый раз закрывать его не было смысла. Бергер сел за стол, открыл папку Риты Олен – не виртуальную, а самую что ни на есть реальную. На него смотрело открытое лицо Нади.

Фамилия Нади оказалась Карлссон. Понадобилось некоторое время, чтобы выяснить, что так было не всегда. Наде сорок два года, в возрасте восемнадцати лет она приехала в Швецию из Украины. Здесь она сразу же вышла замуж за Микаэля Карлссона, который скончался всего пару лет спустя. Самое удивительное, у Бергера никак не получалось узнать ее девичью фамилию. Оказалось, из-за того, что поженились они не в Швеции. Вероятнее всего, на Украине, в тысяча девятьсот девяносто втором году, вскоре после обретения страной независимости.

Бергер внимательно перечитывал результаты поиска на мониторе и размышлял. Все это о чем-то говорило, только

вот пока непонятно было, о чем. Ему удалось найти в Интернете пару фотографий Нади. Один снимок более строгий, с сайта клининговой фирмы, где она работала, другой – более непринужденный, с какой-то вечеринки в саду в районе Акалладален. Там Надя и жила, в сонном квартале таунхаусов и вилл. Бергер рассматривал фотографии, пытался наложить их одну на другую, а также совместить с письмом, написанным на ужасном шведском. В глазах Нади Бергер угадывал силу, способность к сопротивлению, своего рода женскую твердость, с какой он не раз сталкивался за свою карьеру полицейского. А еще – естественную открытость, даже дружелюбие.

Ему вдруг пришло в голову, что вот так он и работает, описывая круги. А еще он с удивлением обнаружил, как ему не хватало полицейской работы.

И какая это важная часть его жизни. Насколько потерянным он себя ощущает без нее.

С другой стороны, он не создан для работы в одиночку. Он принялся снова листать папку. Нашел маленькую флеш-карту. Бергер догадывался о ее содержимом – скорее всего, это видеозаписи терапевтических сессий с Ритой Олен, – но не хотел смотреть, пока не будет иметь полного представления о личности Нади. На данный момент известно следующее.

В восемнадцать лет вышла замуж за гражданина Швеции на Украине, только что освободившейся от Советского Со-

юза и испытывающей серьезные административные трудности, присущие переходному периоду. Значит, велик риск, что добыть какую-либо информацию из Киева крайне сложно. Потом Надя просто взяла и появилась в Швеции, с новым свеженьким шведским паспортом.

Надо добраться до полицейского реестра.

«Проблематичное прошлое», малограмотная, подрабатывает в разных клининговых компаниях, жесткий взгляд, замуж вышла совсем юной, детей нет, по всей видимости, живет одна. Как бывшая алкоголичка или преступница. Украина, девяносто второй год – если в голову приходит проституция, не слишком ли это стереотипно?

А Микаэль Карлссон. Кто он такой?

На момент вступления в брак двадцать шесть лет, житель Стокгольма, как он оказался на Украине в период распада Советского Союза? Его персональный номер исчез с появлением свидетельства о смерти в феврале девяносто третьего, что усложняет поиск.

Бергер встал, приоткрыл окно, вдохнул немного морского воздуха, вздохнул и вернулся на свой дешевый, далекий от эргономичности офисный стул.

Сейчас бы виски.

Он посидел, ожидая, когда непреодолимое желание выпить уляжется, попытался возобновить мысленный контакт с Надей Карлссон.

Общая рамка понятна, детали не имеют большого зна-

чения. Тот факт, что Надя приехала в Швецию замужней женщиной, не менял сложившегося у Бергера представления о том, что в начале девяностых она, вероятнее всего, работала проституткой. В отличие от многих своих сестер по несчастью, Наде удалось выжить и найти свое место в обществе. Она жила в небольшом доме в районе Акалладален, и несколько дней назад ее похитили.

Надя была знакома с похитителем, это ясно. Десять раз она пыталась написать *нечто большее*, и каждый раз ей *засовывали листок в глотку*, возможно, даже буквально. Но она знала, Надя прекрасно знала, «кто он, что делает и почему». Значит, это кто-то из ее жизни, прошлой или настоящей, и он *серьезно больной*. И все это происходит сейчас, *в эту минуту*, пока Бергер сидит тут и борется с желанием выпить.

Он распечатал все найденные фотографии Нади Карлссон, прикрепил их магнитами к почти пустой белой доске; только в самом низу справа остались два снимка. Посередине Бергер поместил файл с письмом. Потом взял маркер и рядом составил список. Отпечатки пальцев, ДНК, для этого у него есть частные каналы. Он написал «Самир». Потом: Друзья. Коллеги. Семья. Соседи. Клиенты, у которых она убирала. Машина, есть ли у нее машина? А права? Как оплачивается дом? Есть ли среди знакомых душевно больные или преступники? Вряд ли речь идет о серьезных преступлениях – сто тысяч, что за смешная сумма для выкупа?

Единственное, в чем Бергер все больше убеждался, – На-

дю Карлссон надо спасти.

Он вставил флешку в компьютер, на мониторе появилась иконка «Н.К._Секретно». Расшифровывается, по всей видимости, как «Конфиденциальные материалы психотерапии, Надя Карлссон». В папке – семь видеофайлов, на каждом указана дата. Самому старому файлу около полугода, а последний добавлен буквально несколько дней назад.

Бергер инстинктивно чувствовал, что это должно стать следующим шагом. Работа займет много часов, скорее всего, придется потратить всю ночь.

Теперь ему нужно добраться до этих людей. Так, чтобы никто ничего не узнал.

Бергер тяжело вздохнул, бросил взгляд на список, нашел сайты актуальных клининговых компаний. Затем взял мобильный телефон и набрал первый же номер.

Как было бы здорово расследовать обычный, рядовой случай.

Пока Бергеру удавалось игнорировать внутренний голос, нашептывающий ему, что обычным, рядовым случаем здесь дело не ограничится.

Двое суток и 22 часа назад

Улица прорезала Акалладален ровно посередине, вдоль нее по обе стороны теснились дома. Вдоль дороги тут и там попадались припаркованные автомобили, августовское солнце медленно опускалось над унылой местностью. Бергер прислонился к фонарному столбу. Весь мир внезапно ускорился, медленное увядание сменилось густой интенсивностью. Внутри у Бергера что-то гудело.

Он видел перед собой Молли Блум. На какое-то мгновение ему показалось, что он видит и маленькую дочку. Они кружились у него внутри.

Когда гудение прекратилось, он смог рассмотреть сцену, зафиксировать ее взглядом, вобрать в себя. Стояло полное безветрие, и было так тихо, что казалось, будто над пригородом царит возвышенный, можно сказать, благородный покой.

И вместе с тем – для парня с окраины, как Сэм Бергер – спрессованный панический страх.

Он проскользнул в приоткрытую калитку в высоком деревянном заборе. Отворившую ему женщину он узнал по фотографии с вечеринки из «Фейсбука», она провела его в тот самый сад, и вот он уже сидит в гамаке с коктейлем в руках. Сделав глоток, Бергер подумал: надо уже с чего-то начать.

На вкус похоже на самогон. Наверняка в основе тайного рецепта напитка какое-нибудь домашнее спиртное.

– Значит, секрет? – спросил Бергер.

Женщина лет сорока, с явно осветленными волосами подалась вперед и, оказавшись совсем близко, произнесла с легким акцентом:

– Такой же секрет, как и вы.

Бергер выдавил из себя улыбку.

– Я польщен, – сказал он. – Для простого служащего страховой компании...

– Только ничего не подумайте, – перебила его женщина, не отстраняясь. – Мой муж может вернуться в любую минуту.

Поскольку Бергер уже погуглил информацию о Юлии Берглунд и знал, что она недавно развелась, он не стал отвечать и перевел разговор на другую тему:

– Когда вы в последний раз видели Надю?

– Вы «пытались с ней связаться»?

В интонации отчетливо прозвучали кавычки.

– Да, речь идет о ее автомобиле, – сказал Бергер.

– Об этой колыхаге? – удивилась Юлия Берглунд. – В последнее время с ней было все в порядке. К тому же в июне Надя отдавала ее на целую неделю в какой-то зверский сервис.

– А «в последнее время» – это когда?

– Я же говорю, с ее чертовым фургоном все хорошо.

Недавно прошел техосмотр. Все как обычно.

– Машину вскрыли, – сказал Бергер. – Все повреждения внутри.

– Ну, если бы Надину машину взломали, я бы об этом узнала. И все увидела своими глазами.

Бергер насторожился. Возможно, он близок к прорыву. Вполне вероятно, что Юлия Берглунд преувеличивает свою близость с соседкой, а может быть, она и есть та лучшая подруга, которой Надя доверяет все свои тайны.

– Такие повреждения невооруженным глазом не разглядишь, – уклончиво сказал он. – Так когда вы видели ее в последний раз?

– Сегодня четверг?

– Четверг, восемнадцатое августа, – кивнул Бергер.

– Значит, это было в воскресенье вечером. Она пришла с работы в районе половины восьмого, помахала издалека. Я как раз возвращалась с пробежки.

– Получается, она работала в воскресенье?

– Надя постоянно работает.

– Она вернулась с работы на машине?

– Да, ей без этой развалины никак, у нее работа по всему городу. В том числе в самых отдаленных районах. И всю утварь для уборки она возит с собой.

– Белый фургон марки «Рено Кангу» с регистрационным номером RUS 328?

– Цифры я не очень помню, – пожала плечами Юлия. – А

вот над RUS мы много смеялись.

– И с тех пор вы машину не видели?

– Ни машину, ни Надю.

– А обычно вы часто общаетесь?

– Да, Надя – одна из лучших моих подруг. Best friends forever⁵.

– И вы не имеете ни малейшего представления, где она сейчас?

– Нет. Конечно, она может быть у этого мужика, с ним она превращается в полную размазню.

Бергер сосредоточился на том, чтобы правильно сформулировать следующий вопрос:

– А вы видели этого «мужика»?

– Это уже похоже на допрос. Вы из полиции?

Бергер замахал руками, надеясь, что это выглядит достаточно убедительно.

– Если машина у этого мужчины, я могу ее найти. У меня дедайн, если я не смогу оценить ущерб, нанесенный автомобилю, сегодня, есть риск, что Надя не получит своих денег.

Юлия посмотрела на него скептически. Приняла для себя решение, кивнула:

– Я ничего о нем не знаю, sorry. Правда, совсем ничего.

– Разве вы с Надей не близкие подруги? Best friends forever?

---

⁵ Лучшие друзья навсегда (англ.).

– Она сказала только, что хочет сначала посмотреть, к чему все это приведет, прежде чем что-то рассказывать. Этот мужик у нее относительно недавно появился, летом.

– А сейчас разве не лето?

– Вопрос спорный. Вроде в июне. Именно потому, что мы с Надей *близки*, мы такие вещи и не обсуждаем. Типа, «хуй». Типа, пусть идет как идет. Хотя обычно у нас на крайний случай было что-то вроде подстраховки.

– Подстраховки?

– Или кодового слова. Конверт, который полагается вскрыть *just in case*⁶, такие вещи. Но не в этот раз. Тут она потеряла осторожность.

– А часто такое бывает? Подстраховки?

Юлия Берглунд сделала большой глоток и уставилась на Бергера.

– Вы *действительно* полицейский, – сказала она наконец.

– Страховой следователь, – вяло возразил Бергер. – Чем-то похоже.

Не прошло и минуты, а Бергер уже стоял на улице. Последнее, что сделала Юлия Берглунд, – вырвала у него из рук стакан, залпом выпила коктейль и распахнула перед Сэмом деревянную калитку.

Бергер стоял, рассматривая забор. Высокий, глухой стеной окружающий сад.

Какую информацию он извлек из встречи с Юлией? На

---

⁶ В случае чего (*англ.*).

первый взгляд, почти никакой. Но это только начало.

В воскресенье вечером Надя была дома, письмо отправили позавчера, во вторник, шестнадцатого августа. Значит, Надя исчезла в промежуток между вечером воскресенья и временем выемки писем во вторник, то есть второй половиной дня. Вероятнее всего, в понедельник.

Дальше: мужчина, новый знакомый, которого Надя скрывала даже от лучшей подруги, настолько близкой, что они друг друга «подстраховывали». Правда, не в этом случае.

Самогон. Беспокойство за безопасность.

Очень слабый, но все же различимый славянский акцент.

Надя и Юлия. Best friends forever.

Маленький украинский анклав здесь, в Акалладалене?

Бергер прошел дальше по прямой главной улице, нашел Надин дом, такая же деревянная стена вокруг участка, ручка калитки. Заперто.

Он повернул, зашагал обратно, вверх по улице. Подняв взгляд, осматривал фонарь за фонарем. На одном из фонарных столбов заметил что-то необычное. Подошел ближе.

Камера наблюдения, на самом верху. Правда, разбитая; над объективом подрагивает оставшийся осколок стекла. Бергер присел на корточки. Внизу, на тротуаре, битое стекло. Насколько пыльное? Не особенно. Разбито относительно недавно. Больше никаких следов.

Бергер поднялся, увидел на другой стороне улицы сухощавую старушку с пуделем. Перешел дорогу. Старушка по-

смотрела на него с нескрываемым ужасом.

– Простите, – сказал он, показывая фальшивое удостоверение. – Я из страховой компании. Вы часто здесь гуляете с собакой?

Дама остановилась, как и ее флегматичный старый пудель – одной ногой в могиле. Кивнула. Бергер попытался сразу же завязать разговор.

– Простите, что побеспокоил, – начал он. – Я совсем не хотел вас пугать. Просто если вы всегда гуляете с собакой по одному и тому же маршруту, вы, возможно, согласитесь помочь мне.

Вот так, напрямик. Теперь она выглядела менее удивленной. Но по-прежнему молчала.

– Тут ведь обычно припаркован белый фургон?

– Надин, – кивнув, произнесла дама пугающе хриплым голосом.

– Точно, – сказал Бергер. – Не будете ли так любезны припомнить, когда вы видели его в последний раз?

– Хватит говорить со мной как со старухой. В понедельник вечером.

– Помните, в какое время?

– Как стемнеет, я уже из дому не выхожу. В наших кварталах стало слишком небезопасно. Я прожила здесь сорок лет.

– Темнеет сейчас около половины девятого, – сказал Бергер. – Насколько раньше вы гуляли?

– Не сильно раньше. Мой дорогуша теперь с трудом тер-

пит.

Бергер бросил взгляд на пуделя. Похоже, он и стоит-то с трудом.

– Значит, в понедельник около восьми часов вечера автомобиль был на месте? Где именно?

– Метрах в десяти дальше по улице, – сказала дама, указывая направление.

– А потом вы его больше не видели? В окошко, например?

– У меня все окна на другую сторону, – ответила дама, помотав головой. – Ну все, мне пора. Хотя...

– Что?

На секунду она задумалась.

– Отилия обычно гуляет по ночам со своим псом. Я так подгадываю время, чтобы с ними не встречаться. Мой мальчик до смерти боится этого волкодава, или как там его.

Бергер безуспешно попытался представить себе полухлового пуделя смертельно напуганным. Он долго смотрел вслед парочке, бредущей навстречу не столь отдаленной смерти. А потом взглянул на камеру и подумал две вещи.

– Отилия.

И еще:

– «Типа, „хуй“».

Двое суток и 20 часов назад

Десяти минут поиска в Сети хватило, чтобы выяснить, что по-русски – как и по-украински – «хуй» означает мужской половой орган, а еще это агрессивное наименование мужика, который ведет себя по-свински. Чертов член. Юлия Берглунд говорила не о новом знакомом Нади, а о мужчинах вообще. О том, о чем *не принято говорить*. «Именно потому, что мы с Надей *близки*, мы такие вещи и не обсуждаем».

Какое-то время Бергер сидел, уставившись на написанное кириллицей слово «хуй», и размышлял. Он остро ощущал потребность проветриться, а не думать. Но как есть, так есть.

Да, Юлия недавно пережила развод, и ее представления о мужчинах сейчас несколько искажены, однако это выражение, по всей видимости, уходит корнями в далекое прошлое. Оно ощущалось *привычным* для женщины.

Надо бы поближе взглянуть на эту Юлию Берглунд.

Идентифицировать камеру наблюдения не удалось. Ее установила не полиция и не муниципалитет. Значит, частное лицо.

Похоже, у них там неофициальное сообщество соседей, но те члены, с кем он связался, лишь отсылали его друг к другу. К тому же мало кто задерживался в этом районе надолго, люди приезжали и уезжали. Кроме дамы с пуделем.

И Нади Карлссон. И Юлии Берглунд. Надя поселилась там девять лет назад, Юлия – десять. В любом случае, не одновременно. Возможно, Юлия заманила туда Надю.

А может быть, им обоим удалось выжить после первой волны торговли людьми после падения стены.

Best friends forever.

В таком случае вполне вероятно, что мужчина, которого встретила Надя, имеет отношение к их общему прошлому. Этот незнакомец.

Пока Бергер сидел вот так и занимался скучной частью расследования, время неумолимо шло вперед. Надя Карлссон, вне всяких сомнений, находилась сейчас в каком-нибудь грязном подвале, истязаемая негодяем; Бергер чисто физически ощущал, как секунды раздирают на части его тело. Как стрелки на часах, которых у него больше нет. Все свои наручные часы он продал. Продав свою душу.

Придется пойти другим путем.

Отилия. Какое необычное имя. Однако поисковая система действительно нашла Отилию Гримберг в Акалладалене. Должно быть, это она. Возможно, она что-то видела во время ночных прогулок с «чертовым псом». Добавить к списку примитивной работы, на которую вечно не хватает ресурсов.

Зазвонил телефон. FaceTime. На дисплее – Самир, некогда самый многообещающий подчиненный Бергера. Теперь его «повысили» до начальника дорожной полиции.

На дисплее появилось любопытное лицо Самира с щети-

ной, достойной легавого в нарочито плохо сидящей форме, скучающего на должности, не соответствующей его высокой квалификации. Бергер передал регистрационный номер машины и попросил выяснить насчет камеры. Правда, выяснить ничего не удалось.

– Наверное, в ней установлен передатчик, – сказал Самир и почесал подбородок.

– Но она в шести метрах над землей, – возмутился Бергер. – Металлический фонарный столб. Давненько я не лазал тайком по столбам.

– Возьми на прокат автокран, – посоветовал Самир. – Отпечатков нет?

– Где мне их взять? На ручке калитки?

– Как же ты морально устарел, – просиял Самир. – Но не мог же ты забыть, что первый шаг в том, чем ты сейчас занимаешься, – проверить отпечатки пальцев.

– Ты не знаешь, чем я сейчас *занимаюсь*.

– Ты как открытая книга, Сэм.

– Ты тоже, Самир, – рассмеявшись, ответил Бергер. – Сидишь там, весь такой в форме, и *предлагаешь мне взлом*? Может, хочешь присоединиться?

– Ничего такого я не предлагаю, – спокойно возразил Самир. – Я позвоню, если автомобильный номер где-то засветится. Найди ее, Бергер.

Изображение Самира, буквально сканирующего Бергера, резко пропало.

Неужели Сэм Бергер и правда настолько читаем?

Он ведь ни словом не обмолвился по поводу того, чем *занимается*.

Бергер продолжил поиск информации о Микаэле Карлссоне, молодом человеке, который в девяносто втором году женился на Украине на еще более юной Наде.

Благодаря углубленному поиску выяснилось, что Карлссон страдал «умственной отсталостью», всю жизнь провел в учреждении, у него врожденная аномалия нескольких внутренних органов. Умер в возрасте двадцати восьми лет от сердечной недостаточности. Естественной смертью.

Мужчина, который в двадцать шесть лет на Украине дал красавице Наде Икс свою фамилию, был, как бы раньше сказали, дурачком. Как такое возможно?

Оказалось, что интернат «Винтербу» вел активную жизнь до самого своего закрытия в конце девяностых. Его обитатели ездили на экскурсии и в путешествия. Надо разузнать подробнее. Бергер попытался добыть сведения о владельцах, персонале, пациентах, найти свидетельства о мероприятиях, но дело было в начале девяностых, цифровизация только начиналась, поэтому в сохраненной информации имелись большие лакуны.

Количество пациентов-мужчин варьировало от восьми до десяти. В те годы интернат возглавлял некий Юханнес Эдборг, о нем больше ничего найти не удалось. Поскольку глобальный процесс приватизации тогда еще не завершил-

ся, интернат «Винтербу» принадлежал муниципальным властям.

Бергер нашел упоминание о поездках на Готланд и на Ловотенские острова – уже очень смелые мероприятия, но боже мой – Украина? Украина в самые хаотичные месяцы после распада Советского Союза? Не самое очевидное направление для группы людей с умственной отсталостью.

Умственно отсталых, однако не объявленных неправопособными.

Бергер взглянул на бухту и кивнул сам себе. Вероятно, речь идет о жертвах первой волны торговли людьми, до того, как деятельность приобрела промышленный размах. Мафия еще только прощупывала пути миграции и рынок, это была пробная партия – легально ввезенные женщины, замужем за парнями, которые никогда не будут на них претендовать.

Это было еще до того, как возникли организованные каналы торговли людьми.

Бергер застрял на регистре правонарушений. Войти никак не удавалось. Со злости он стукнул по компьютеру. Работать в одиночестве становилось невыносимо.

Надо с кем-нибудь поговорить. Попросить кого-нибудь о помощи.

Он прекрасно знал, кто этот «кто-нибудь».

А еще ему необходимо выпить виски.

Молли Блум где-то «в Швеции» с маленьким ребенком на руках. С их общим ребенком. Она нужна ему здесь. То-

го, чего они добились вместе за пятьдесят дней в конце прошлого года, было бы как раз достаточно, чтобы найти Надю Карлссон. Потому что сейчас Надя – всего лишь размытый силуэт.

А Бергер совсем один. И расследовать этот случай ему предстоит в одиночку.

Общие контуры у него уже есть. Осталось наполнить их жизнью, плотью, кровью, вдохнуть в них душу. Надо как следует узнать Надю Карлссон, установить с ней личные отношения. И такая возможность у него есть, прямо под рукой.

Он долго смотрел на иконку «Н.К._Секретно». Но кликать на нее не стал. Еще не пора. Вместо этого он прогнал через поиск пожилых женщин из района Акалладален; возможно, удастся даже локализовать дряхлого как мир пуделя.

Потом ему удалось разыскать открытую допоздна транспортную компанию.

Затем он сделал перерыв, чтобы собраться с мыслями перед выполнением самой деликатной на данный момент задачи. Ему предстояло написать убедительное электронное письмо *серьезно больному* человеку.

Бергер зашел на довольно известный и вместе с тем несколько мутный сайт, где можно было создать новый, анонимный адрес. Он чувствовал себя так, будто прикоснулся к чему-то грязному.

Потом он открыл новое окно, вбил адрес *thevalleyoftheshadowofdeath111@gmail.com* и в качестве темы

указал нейтральное «Плата». Чувствуя острый страх перед пустым белым пространством, которое ему предстояло заполнить, он написал:

«Дорогой товарищ из Долины Смертной тени! Мне поручено заплатить вам заранее оговоренную сумму. Это можно сделать разными способами. Но вы, безусловно, понимаете, что не получите ни эре, пока я не буду точно знать, что с Надей все в порядке. Мое предложение стандартное. Мы встречаемся где-нибудь. Вы привозите невредимую Надю, я – сумку с наличными. Но мне необходимо удостовериться, что она жива и здорова. Мне нужны доказательства, и как можно скорее. Если у вас есть альтернативное предложение, я готов его рассмотреть, но все должно строиться на взаимном доверии. В создавшейся ситуации это нелегко. Всего хорошего, Икс».

Бергер долго сидел, глядя на монитор. Верный ли он выбрал тон? Слишком высокомерный? Недостаточно грозный? Или слишком грозный?

В конце концов он решил, что сойдет и так. Это не то, на что стоит тратить драгоценное время. Все громче тикающие секунды.

Затем он открыл папку с видеозаписями бесед Нади с психологом Ритой Олен.

– Свобода? – четко произнес женский голос с явной во-просительной интонацией.

Посередине в кадре сидит брюнетка, просто одетая, ног не видно, но угадывается, что на ней джинсы. Синяя тол-стовка с логотипом фирмы. Ее открытая улыбка не сти-рается с лица, но как будто скукоживается, в карих глазах поднимается тьма, все лицо словно пропитывается кисло-той.

– Забудьте, – произносит она тихо, с еле заметным ак-центом. – Я не могу об этом говорить.

– Вы сами об этом заговорили, Надя. До того, как мы включили камеру. – Вы сказали, что свобода – это послед-нее, чего вы хотите достичь. И усмехнулись.

– Но Рита, дорогая, вы сказали нечто совершенно невоз-можное, будто я должна быть абсолютно открытой, что-бы достичь свободы. В гробу я видала эту свободу.

– Скажите что-нибудь о свободе, прежде чем мы пойдем дальше, что угодно. Охарактеризуйте ее одним словом, не задумываясь.

– Нельзя говорить о свободе как о чем-то абстрактном. Это слово отравлено. Я всегда буду ненавидеть свободу.

Повисла минутная пауза. Надя Карлссон, похоже, не ис-пытывала ни малейшего неудобства и не пыталась запол-

нить молчание всяким шлаком, в котором обычно любят копаться психологи. Рита Олен и не настаивала. Наконец она произнесла:

– Расскажите, почему вы обратились ко мне, Надя.

Надя поерзала на стуле. Опустила взгляд. Потом снова подняла глаза и сказала:

– Меня мучают жуткие кошмары.

* * *

У Нади другая прическа. Новая стрижка. Одета примерно так же, только толстовка теперь бордовая и с другим логотипом.

– Почему так трудно говорить о кошмарных снах? – спрашивает дружеский голос без лица.

Надя поворачивается к камере, смотрит прямо в объектив. Взгляд теплый, но несколько потерянный.

– Потому что я их не помню. Я никогда не могу их вспомнить.

– Но вы от них просыпаетесь?

– Они будят меня и исчезают. Я знаю, что они были. Но они уходят.

– А как вы понимаете, что эти сны были, Надя?

– После них я чувствую себя дерьмом. Как будто на мне уродливые шрамы.

– Вы можете сравнить это чувство с каким-нибудь дру-

гим?

Этот взгляд. Прямо в камеру. Как будто Рита Олен намеренно села с камерой так, чтобы снимать глаза пациентки, а потом анализировать выражение ее лица.

– Если честно, Рита, дорогая, – говорит Надя, – такое чувство, что обкакался.

* * *

Теперь безликий голос спрашивает:

– Что вы помните о своем супруге?

– О чем?

Надя, кажется, искренне удивлена. Сегодня на ней платье, прямое, простое. Голос продолжает:

– Микаэль из Швеции, ваш муж. Вы помните, где вы поженились?

– А, этот. В мэрии Львова, процедура заняла пару минут, после этого я его не видела.

– Что было дальше?

– То есть, я его видела. Когда садилась в самолет. А паспортный контроль в Арланде мы проходили вместе. И больше ни разу не виделись.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Что произошло потом?

Надя замолкает, улыбается. В другой ситуации эту улыбку

можно было бы назвать лучезарной. А сейчас Надя говорит:
– Я знаю, как вы стараетесь, Рита, дорогая. Продолжайте.

* * *

– Все-таки боюсь, что я не совсем понимаю, – произносит проникновенный голос. – Почему вы пришли сюда, Надя? Ко мне?

В этот раз на Наде белая футболка без логотипа. Она поднимает голову, смотрит в камеру ясным, хоть и слегка измученным взглядом.

– Вы знаете почему, – отвечает она и несколько раз сильно зажмуривается.

– Только вы меня не подпускаете. Как только я касаюсь самой соли, вы меня отталкиваете.

– Какой соли?

– Самого главного. Того, с чем я действительно могу вам помочь.

– Вы знаете, чего я хочу. Избавиться от кошмаров.

– Но мне к ним не подобраться, если я не буду знать причин, Надя. Приоткройте мне, Надя. Хотя бы чуть-чуть.

– Я пытаюсь...

– Нет.

– Что?

– Нет, вы не пытаетесь. Вы, как обычно, поворачиваетесь спиной к тому, что для вас тяжело, или перешагиваете труд-

ности. Всегда можно отвернуться. Это самый легкий путь. Если вы хотите, чтобы я помогла вам по-настоящему – а не просто приходите поболтать, как за чашечкой кофе, – вы должны приоткрыть двери в самые жуткие комнаты.

– Они мне сказали, что вы все равно справитесь, Рита, дорогая.

– Я не знаю, кто такие «они». Но «они» ошибаются. Я не могу работать, не имея никаких вводных, Надя. Я психолог, а не волшебница. Я не читаю мысли и не знаю, кто вы и через что вам пришлось пройти. Могу догадываться – и я многое угадала за эти месяцы – но я не могу, как фокусник, вынуть кролика из шляпы...

Надя смеется. Сначала сдержанно и спокойно, а потом смех переходит в безудержный хохот, такое с ней в первый раз. Наконец невидимая Рита Олен тоже начинает смеяться, хоть и более приглушенно.

– Хочу кролика, – произносит наконец Надя с улыбкой.

– Будет вам кролик, Надя. Кролики очень плодovиты. Это медицинская загадка. Когда изучают вопросы бесплодия, часто обращаются к кроликам. Как такое может быть, что крольчиха беременеет, стоит только кролику взглянуть на нее? А вы когда-нибудь были беременны, Надя?

– Все было загублено еще раньше.

– Раньше?

– Расскажите лучше о кроликах, Рита, дорогая. Это так интересно.

– У кроликов так называемая индуцированная овуляция. Это значит, что овуляция у самки происходит только в момент спаривания, что увеличивает шансы оплодотворения. Не так давно ученые выяснили, что активный протеин для индуцированной овуляции содержится и в человеческой сперме. Если...

– В ней столько дерьма, – воскликнула Надя.

– Что вы сказали?

– Ничего. Забудьте. Продолжайте.

– Много дерьма в сперме? Венерические заболевания? Гонорея, хламидиоз, герпес? У вас это было, Надя? У вас ВИЧ?

– Я хочу дослушать рассказ. «Если...»

– В обычной жизни у млекопитающих встречается два типа овуляции, регулярная овуляция, как у человека, и индуцированная, то есть возникающая в нужный момент. Как у кроликов. Если увеличить содержание определенного протеина, который уже содержится в мужской сперме, возможно, получится временно вызвать индуцированную овуляцию и у человеческих самок, то есть женщин. Но все это пока на стадии исследования. И нужна матка, не загубленная «еще раньше». Когда это произошло, Надя?

– Прекратите, – тихо произносит Надя, опуская взгляд.

– Это связано с вашими кошмарами?

– Вы беспощадны, Рита, дорогая, но это нормально. Я понимаю, так надо. Они мне говорили, что у вас нестандартные методы.

– Эти «они» мне совсем не нравятся.

– У вас побывали многие. Такие же, как я.

– Такие как вы?

– Я знаю точно. Юлия ходила сюда, в психотерапевтический центр. К вам. Она мне вас и посоветовала.

– Вы знаете, я не имею права обсуждать других клиентов.

– Мы с ней вместе приехали в Швецию. Понятно?

Минутное молчание. Потом спокойный голос Риты Олен:

– Понятно. Но мне нужно знать чуть больше, Надя. Збиранка?

Впервые за эту встречу Надя Карлссон смотрит прямо в камеру. Время идет. Потом она кивает, опуская взгляд. Что-то падает к ее ногам, прозрачное, круглое. Лишь когда это нечто касается Надиной коленки, становится ясно, что это слеза.

* * *

Из-под вязаного свитера Нади вылезают уголки белой рубашки. Теперь Надин взгляд, смотрящий в камеру, изменился – стал увереннее. Слышен голос за кадром:

– Збиранка?

– Как вы упрямы, Рита, дорогая.

– Быть упрямой – это моя работа, Надя. Збиранка – это ведь село?

– Да, недалеко от Львова. Там прошло мое детство. В Со-

ветском Союзе.

– Счастливое детство?

– Да, счастливое. Прекрасное, но бедное. Последние годы мы не ходили в школу. Потому что школу закрыли.

– А когда вы стали старше?

– Два года я просидела у станка на фабрике. Каждые три секунды могла лишиться руки. Засовываешь гайку, высовываешь руку.

– Юлия тоже там работала?

– Вы же не имеете права обсуждать других клиентов?

– Не улыбайтесь так. Это невежливо.

– Рита, дорогая, но вы же сами улыбаетесь.

– Это улыбка другого рода...

– Нет, Юлия там не работала. Она танцевала.

– Танцевала?

– У нас был клуб. Я туда никогда не ходила. Но мы часто встречались, заняться было особо нечем, просто тусовались. Юлия говорила, что существует рай.

– Рай?

– Не так далеко. Там все люди богатые, счастливые и свободные. А дома маленькие и красные. И повсюду вода. Чистая, прозрачная, холодная вода, в которой можно купаться.

– Звучит как прекрасный сон или мечта, Надя.

– Юлия клялась, что это не сон. Такое место правда существует. Мы сможем заниматься всем, чем захотим. Я хорошо пела, обожала петь, и Юлия сказала, что я смогу стать

певицей.

– Но была одна загвоздка...?

Надя медленно кивает. Взгляд печальный, но по-прежнему светлый. Мечты так и живут в ней. Наконец она произносит:

– Для этого надо выйти замуж.

* * *

На Наде фиолетовый жакет. Она говорит:

– Как может быть настолько холодно в помещении?

– Это я так захотела, – слышится голос Риты Олен. – Когда прохладно, легче думается.

Надя плотнее запахивает жакет.

– Возможно, вам, – говорит она. – Но не мне. В этой чертовой стране лета вообще не бывает.

– Заметили, да? Потому что рая не существует.

– Рита, дорогая, вам ирония жуть как не к лицу.

– Рай так и не случился, правда, Надя? Что случилось на самом деле, когда вы приехали в Швецию?

– Вместо рая я получила свободу.

– Вы все время возвращаетесь к свободе, Надя. Но стоит вам ее коснуться, вы тут же отскакиваете. Почему?

– Я не хочу об этом говорить.

– Тогда продолжим говорить о том, о чем мы постоянно говорим, Надя. Вам кажется, что причиной ваших кошмаров

может быть стресс на работе, тоска от одиночества, фрустрация, мигрень. Тяга к опьянению, которого вы больше не испытываете. Мы можем нащупать будничные стратегии. Мы ведь уже далеко продвинулись в борьбе с мигренью, правда? Вы человек педантичный, чтобы выжить, вам необходим порядок и предсказуемость. Мы можем продолжить идти этим путем, я нисколько не возражаю. АО «Психотерапевтический центр Нормальма» нисколько не возражает против такого пожизненного вялотекущего лечения. Вы продолжаете платить, и мы вместе маленькими шажками продвигаемся к более сноному существованию. Но к вашим кошмарам мы таким образом не подберемся. Глубинную причину ваших страхов мы не определим.

Надин взгляд. По нему видно, как в голове пробегают самые разные мысли, он все время меняется. Такая открытость просто поражает.

Наконец Надя опускает глаза и произносит:

– Нам некуда спешить.

* * *

Голос произносит:

– Вы выглядите иначе.

Надя скользит взглядом по своему телу, от белой майки до джинсовой юбки. Лицо ее озаряется улыбкой.

– Наконец-то тепло, Рита, дорогая. Лето.

– Да, это прекрасно. Но я говорила не об одежде.

Надина улыбка вдруг делается смущенной.

– Неужели так заметно? – спрашивает она.

– С виду очень похоже на счастье, Надя. Хотите поговорить об этом?

– Это так непривычно. Я не осмелюсь обсуждать. Пока. Если рассказать слишком рано, можно все испортить. Нам некуда торопиться.

– Вы вечно откладываете жизнь на потом, я привыкла. В последние месяцы мы обсуждаем только повседневные проблемы. Но теперь ваше состояние заметно изменилось. Если не хотите обсуждать свое новое счастье – что вполне понятно, – может быть, у вас появились силы поговорить о главных проблемах...?

Надя хмурится, но улыбка никак не хочет сходить с ее губ.

– Не знаю, – говорит она.

– Вам по-прежнему снятся кошмары?

– От них не так легко избавиться, – говорит Надя. – Я нахожу утешение сразу после, но это не значит, что снов больше нет.

– Значит, вы спите вместе?

– Было несколько раз.

– У вас или у... него?

– И так, и так. Но я не хочу это обсуждать. Пока не хочу.

– Возможно, это любовь, Надя, и мне бы очень хотелось, чтобы так оно и было, но даже любовь не обладает достаточ-

ной силой, чтобы отогнать впечатления, породившие кошмарные сны.

– Может быть, я теперь смогу жить и с кошмарами.

– Или у вас теперь есть силы встретиться с ними лицом к лицу.

Внезапное молчание. Надя смотрит на свои колени. Может показаться, что это противостояние двух сил, столкновение воли двух людей, но на самом деле это скорее раздумья. Подняв глаза, Надя медленно говорит:

– То есть вы хотите поговорить о...?

– Да, я хочу поговорить о свободе, Надя.

– В следующий раз, Рита, дорогая, обещаю, мы поговорим об этом в следующий раз. Она должна писаться с большой С.

– С большой С?

– Да, Свобода.

* * *

Впервые в кадре видна Рита Олен. Ее фигура мелькает, прежде чем она выключит камеру, чтобы убрать в сумку. Позади нее слышится голос:

– Подождите, Рита, дорогая!

Олен отодвигается в сторону, подальше от объектива, и произносит:

– Час уже прошел, Надя. Увидимся во вторник.

– Я знаю, что у вас сейчас обед, Рита. – Но есть еще кое-

что.

Слышно, как Олен садится обратно в кресло.

– Кое-что еще? – переспрашивает она.

Теперь камера направлена на Надю. Она сидит на стуле в той же одежде, что и до обрыва съемки. Впервые она выглядит смущенной. Потерянной.

Рита Олен молча ждет.

Надя открывает рот. И комната наполняется музыкой.

Не просто музыка. Ангельские звуки, поток волшебных звуков, постепенно обрастающих словами. Загадочные слова из другой части мира. Из другого времени. Ой у вишневого саду.

Это длится лишь несколько секунд. Там соловейко щебетав. Но кажется, что проходит вечность.

Надя замолкает. Улыбка, скрываемая десятилетиями, вырывается наружу, как подземный ключ.

Двое суток и 14 часов назад

Ночь. Безветрие. Ночь освещают лишь одинокие круги света от фонарей. По обе стороны припаркованные машины, аккуратные, хоть и весьма редкие ряды. Полная тишина.

И вдруг движение. Два существа идут по пустынной пригородной улице. Только одно из них – человек.

Блондинка с короткой стрижкой открывает ворота и сворачивает на свой участок. Поводок туго натягивается вокруг столбика ворот, она тянет, но ничего не происходит. Поводок как приклеился к цементной поверхности. Женщина тянет сильнее, поводок ослабевает, мощный пес заходит на участок, что-то внимательно вынюхивая. Женщина оборачивается, чтобы запереть ворота. И тут слышит глухое рычание, чувствует, как поводок вот-вот вырвется у нее из рук. Она быстро запирает ворота на засов, ротвейлер неумолимо куда-то ее тащит.

И тут она видит мужчину.

Он стоит, прислонившись к стене ее дома, рядом со световым пятном, отбрасываемым фонарем с террасы.

Сначала он видит в ее лице лишь страх и замешательство, обреченную покорность перед разверзшейся пропастью. Однако на удивление быстро первая хаотичная реакция приобрела формы и на лице женщины отразилась решимость дать

отпор.

– Этот пес разорвет вас за пять секунд, – глухо произнесла она.

– Простите за беспокойство, – сказал мужчина, помахивая каким-то удостоверением. – Вы же Отилия Гримберг? У вас дома никого не оказалось.

– Сэм Бергер, – пропыхтела она, глядя на удостоверение. – Нельзя же вот так...

Мужчина перевел взгляд на ее запястье, обнажившееся из-за туго натянутого поводка.

– Классная татуировка, – сказал он. – Я действительно не хотел вас пугать. Я частный детектив...

– Тьфу ты черт, – произнесла Отилия Гримберг. – Даже не знала, что в Швеции такие есть.

Ротвейлер по-прежнему был готов к нападению, но по мере того, как менялся тон беседы, пса понемногу отпускало. Женщина в кожаной куртке и рваных джинсах, с наметившимися морщинами, успокаивала его как могла.

– Но вы хоть понимаете, что нельзя вот так затихариться у чужого дома, как будто вы какой-нибудь насильник, – произнесла она, не глядя на Бергера. – Меня чуть инфаркт не хватил. Я женщина хрупкая.

– Честно говоря, по вам не скажешь, – заметил Сэм Бергер. – Можно с вами поговорить?

Она подняла глаза, проследила за его взглядом, посмотрела на свое запястье. На татуировку с именем «Сэм» в про-

стреленном сердечке, из которого падает единственная капля крови.

– Моя первая любовь, – криво улыбнулась она. – Но это было давно. Того Сэма уже нет в живых.

– Нет в живых?

– Я же сказала, это давняя история, – сказала она, отпирая дверь и впуская в дом ротвейлера. Дверь она оставила открытой, что Бергер истолковал как разрешение войти. Не успел он переступить порог, как ротвейлер радостно бросился ему на грудь и принялся облизывать лицо. От пса воняло.

Бергер никогда не был собачником.

Женщина заметила это, увела ротвейлера. Бергер оказался в прихожей, где явно давно не убирали.

– Так что вы хотите, Сэм? – спросила Отилия.

– Могу я задать вам несколько вопросов?

– Вы же в курсе, что сейчас второй час ночи?

– В это время вы обычно гуляете с собакой, – сказал Бергер.

Отилия внимательно посмотрела на него. Цепкий взгляд, все еще недоверчивый.

– Хотите пива? – спросила она, покачав головой.

– Спасибо, не откажусь.

Она провела его в гостиную, где тоже давно не наводили порядок. Сама вышла. Бергер слышал шаги ротвейлера в прихожей. Откуда-то донесся голос женщины:

– Псу по-прежнему ничего не стоит разорвать вас на части

за пять секунд. Ну, может быть, за семь.

Отилия Гримберг вернулась, указала Бергеру на засиженный диван. Когда она сама села, Бергер осознал, насколько она привлекательна. Она сняла кожаную куртку и открыла пиво. Он вдруг понял, как долго был один.

Пару дней назад все было бы гораздо проще. До звонка Молли. С другой стороны, он как сейчас слышал ее голос: «Именно это *“много”* меня и угнетает. Тебе придется довольствоваться тем что есть».

Он и довольствовался. Открыл банку пива, отпил.

– Так что случилось с Сэмом?

Вопрос совершенно не мотивированный.

Бестактный.

Асоциальный.

Слишком давно он сидел в последний раз дома у привлекательной женщины посреди ночи с пивом в руках.

Но она, похоже, не смутилась. Взгляд ее синих глаз казался острым и мягким одновременно. Уже второй раз за очень короткий срок он испытывал чувство, будто женщина видит его насквозь.

– Его забрали наркотики, – сказала Отилия Гримберг. – Но это было очень давно.

– Сочувствую, – произнес Бергер.

– Ну, за ваше здоровье, – отозвалась Отилия.

– За ваше.

Странно, но у него было такое ощущение, что он может

остаться тут надолго. Нарушитель границ.

Однако он нужен в другом месте. Время идет.

Отилия долго сверлила его взглядом, а потом спросила:

– Так почему мои ночные прогулки вас настолько заинтересовали, что вы разговорили даже такого закрытого человека, как Аста?

– Аста? – не понял Бергер.

– Не прикидывайтесь дураком, – сказала Отилия Гримберг, проведя рукой по своим коротко остриженным волосам. Потрясающий жест.

– Вы знакомы с Надей Карлссон? – задал Бергер встречный вопрос.

– Не могу сказать, что мы *близко* знакомы, нет, но мы вежливо здороваемся при встрече. Мне кажется, она смотрит на меня немножко свысока, как все они.

– Кто такие они?

– Те, кто выкарабкались.

– Выкарабкались?

– Надя пила и употребляла наркотики, по ней сразу видно. Для нее я всего лишь мелкий, умеренно пьющий раздражитель. Не имеющий, к тому же, большого желания покончить с такой жизнью. А теперь расскажите об Асте.

Бергер поудобнее устроился в кресле. Отпил пива.

Ему было как-то подозрительно хорошо.

На какое-то мгновение он даже забыл про тикающие часы.

– У Асты Хаден полудохлый пудель, – начал он. – Они не

решаются выходить, когда гуляете вы. Она сказала, что вы традиционно гуляете по ночам.

– Как будто Гарм только и мечтает, как бы сожрать это чучело, – сказала Гримберг. – Да он бы от запора умер.

– Вашего пса зовут Гарм?

– Так точно, – просияв, ответила Отилия. – Когда Гарм лает, наступает Рагнарёк. Разверзается преисподняя, близится конец всему живому.

Бергер сидел и наблюдал за ней. Ее лицо излучало жизнь. Давно уже он не чувствовал себя настолько комфортно с другим человеком. Чтобы немного охладиться, он сказал:

– Меня интересует прогулка ночью на вторник на этой неделе.

– Что именно вы хотите знать, Сэм?

– Вы в курсе, на какой машине ездит Надя?

– Да, ржавый белый фургон. Я его уже пару дней как не вижу.

Отилия помолчала, ее взгляд проникал Бергеру прямо в душу. Потом продолжила:

– В ночь на вторник? Да, мы с Гармом гуляли.

– И видели ее машину?

– Да, там было как-то странно. Я немного выпила, но там точно было что-то не так. Гарм остановился возле Надиного фургона.

– И что, Гарм залаял около Надиной машины? И настал Рагнарёк?

– Вы зря так думаете, ротвейлер – порода воспитанная и благородная. Гарм никогда не лает. Но в машине кто-то сидел.

– Я внимательно слушаю, – подбодрил ее Бергер.

– Собственно, и все, – пожала плечами Отилия. – Я просто мельком заметила фигуру в машине, когда обернулась.

– Это была Надя?

– Не знаю. Кто-то в плотной шапке на водительском месте.

– Больше поблизости никого не было?

– Я никого не видела. А потом она исчезла.

– О чем это вы?

– Похоже, Гарм наглотался «Риталин» а, с ним уже такое случалось. Он становится гиперактивным, по крайней мере, его желудок.

– Что-то я совсем ничего не понимаю.

– Метилфенидат. Психостимулятор. Вы ведь наверняка о таком знаете, Сэм? По вам видно.

– И вам пришлось выйти посреди ночи?

– Скорее ранним утром, около половины пятого. Машины уже не было.

Бергер кивнул. Попытался включить свое профессиональное мышление.

Если все свидетели говорят правду, у него, по крайней мере, есть временной интервал для исчезновения Нади. Между часом и половиной пятого в ночь на вторник. Кто-то в толстой шапке сидел в ее машине, скорее всего это имеет отно-

шение к исчезновению, значит, ближе к часу, чем к пяти – вряд ли этот человек просидел там несколько часов. Такое сужение временных рамок облегчит Самиру поиск записей с камер на дорогах.

Бергер поблагодарил, допил пиво и встал.

– Вы уже уходите?

– Я не хочу вам мешать...

– Может, получится соблазнить вас еще одним пивом? – улыбнулась Отилия.

– Мне надо...

– Что вам надо в половине второго ночи? Вы же, черт возьми, частный детектив, а не вампир?

– Две профессиональные группы с похожими функциями, – отшутился Бергер.

Отилия Гримберг громко рассмеялась, поднялась с дивана и, слегка коснувшись руки Бергера, вышла на кухню. Вернулась с двумя новыми банками пива, снова уселась и похлопала по дивану рядом с собой, как будто подзывая собаку.

Может, он и есть собака. Животное. Она похлопала совсем близко к себе.

Он сел, взял пиво. Они сидели, касаясь друг друга бедрами.

Бергер был лишен предрассудков. По крайней мере, теперь уже точно. Ему слишком многое пришлось пережить, и жизненный опыт стал своего рода вакциной от предубеждений. Более ранняя его версия подумала бы о собаке и ее

вони, или осмотрела бы запущенное жилище Отилии критическим взглядом, представляя себе, что и сама хозяйка, наконец, пахнет не лучшим образом.

А теперь он просто принялся.

Пахло от нее божественно. Как давно уже он не ощущал этот аромат близости, женской кожи, волос. Он любовался красивым изгибом ее шеи, ямочками на щеках. Когда она повернулась, чтобы отпить пива, ее четко очерченный профиль предстал во всей своей красе: несколько заостренный нос, маленькие уши, плотно утыканные пирсингом. Отилия повернулась к Бергеру и посмотрела ему прямо в глаза. Магический синий взгляд. Она подняла руку и медленно провела по его щеке. Он настолько давно не ощущал ничего подобного, что все волоски на руке встали дыбом.

Впрочем, встали не только волоски.

Он ответил на ее ласки. Она закрыла глаза. Казалось, Отилия тоже только и *ждала* этого момента.

Последовавший поцелуй не только перебил назойливое тиканье внутренних часов и на мгновение заслонил собой время В, но и заглушил голос Молли и плач дочки.

Они ласкали друг друга, везде. Руки скользили под одеждой, по голой коже. Лифчика на ней не оказалось. Тыльными сторонами ладоней она гладила член Бергера, буквально разрывающий джинсы. Сэм стянул с нее джемпер. Она медленно расстегнула его ширинку. Они поцеловались, она впилась в него взглядом.

– Вот как, – произнесла она с каким-то особенным блеском в глазах.

Теперь уже вся одежда была сброшена. Обвинив друг друга, они лежали на диване обнаженные.

Она скользила губами по его мошонке, вверх-вниз. Потом отпустила его. Он поцеловал ее живот. Приблизился. Она остановила его. Встала. Взяла его за руку. Татуировка на ее запястье растянулась, как крик из глубины души. Имя «Сэм» в простреленном сердечке. Капля крови.

Она улыбнулась, коснулась татуировки и прошептала:
– Давай наполним ее смыслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.